

ОРУЖЕЙНИК

A man with reddish-brown hair and a serious expression stands in a lush jungle. He is wearing a tan tactical vest over a dark shirt, with a small red fist logo on the chest. He holds a black assault rifle in his left hand and a knife in his right. A small, fluffy brown cat is visible in the lower right corner. The background is filled with green foliage and purple flowers.

Дмитрий Казаков

МУЖСКАЯ РАБОТА

Оружейник

Дмитрий Казаков

Мужская работа

«Автор»

2021

Казаков Д. Л.

Мужская работа / Д. Л. Казаков — «Автор»,
2021 — (Оружейник)

Еще до обеда я мог умереть три раза. Для начала меня чуть не пришибло упавшим деревом, потом до моей задницы едва не добрался Равуда – дело швах, когда тебя хочет лишиться жизни собственный командир. И только потом в очереди на убийство моей персоны очутились хитрые и недобрые враги. Если бы не болезнь дочери, разве полез бы я в эту мясорубку?

© Казаков Д. Л., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Казаков

Мужская работа

Дмитрий Казаков

* * *

Глава 1

До обеда я мог умереть трижды.

Для начала меня чуть не пришибло упавшим деревом, потом до моей задницы едва не добрался Равуда – дело швах, когда тебя хочет лишиться жизни собственный командир. И только потом в очереди на убийство моей персоны очутились хитрые и недобрые враги.

Если бы не болезнь дочери, разве полез бы я в эту мясорубку?

Но обо всем по порядку.

* * *

Двоюродный брат не поскупился, и стол в дорогом кабаке ломился от жратвы. Икра черная, икра красная, креветки в салате, не знавшие холодильника, такие нежные, что таяли во рту, оленье мясо с черносливом, зажаренный целиком гусь, фаршированный ананасами и грецкими орехами.

А я сидел как на иголках, и смотреть на эту роскошь не хотелось; мягкий вкус двадцатилетнего «Курвуазье» чувствовал, конечно, но он меня не радовал...

Два места рядом со мной пустовали – ну мама братца не любит, вот и не пришла, а Юля... у Юли нашлись более важные дела, и я бы хотел быть сейчас с ней и с дочкой; но жена, умная женщина, сказала, что толку от меня в больнице все равно не будет, а обижать братца не стоит. Так что я сидел один, по сторонам не смотрел, мрачно набивал брюхо и ждал звонка.

Когда же телефон в кармане завибрировал, я едва не подскочил.

– Ну, что? Как вы? – выпалил я в трубку, выбегая из зала, где неистово орала музыка и перекрикивали ее нетрезвые дамочки.

– Не очень хорошо, – голос Юли звучал напряженно-спокойно, и сердце мое вмиг обледенело.

Мы женаты четыре года, за это время она ни разу не повышала голос, никогда не злилась, хотя иногда я давал повод, о да, давал; но если начинала говорить вот так, то я мигом понимал – дело швах. Сашка начала болеть год назад, и быстро стало ясно, что все серьезно – мы обошли кучу врачей, сдали кучу анализов, порой все деньги уходили на лекарства и докторов, так что мы сами сидели на лапше из пакетиков, и вот сегодня финальное обследование... и на него такая очередь, что запись за два месяца и свободное место только на вечер пятницы!

– И? – спросил я, чтобы заполнить пустоту.

Я знал – она все скажет, но не мог молчать, не мог, меня трясло, и выпитый коньяк испарялся с кожи вместе с потом, а во рту стоял привкус ананасов, гуся и креветок. Как они там только все помещались?

– Нужна операция, – Юля говорила словно через силу, выталкивала из себя слова. – Делают у нас, но только платно... Пятьдесят тысяч долларов, и первый взнос – десять. Если операцию не сделать, то Сашка... – она сглотнула, – умрет.

Голос жены продолжал звучать, но я уже не очень вслушивался, кровь редела в ушах, сердце лупило глухо и тяжело. За что, как так может быть, чтобы светловолосый ангелочек трех лет обречен на смерть? Почему так? Чем мы нагрели, мать твою? Почему ей такие страдания?

Хотелось заорать, ударить кулаком по стене, высадить окно, чтобы порезаться, чтобы больно стало мне, а не дочери, или хотя бы моя боль из внутренней стала внешней. Помимо того терзало желание проснуться, открыть глаза, и чтобы Юля рядом, и Сашка тоже, и все хорошо.

Не знаю как – внутри негромко хрустнуло – я сумел взять себя в руки.

– Сдохну, но найду деньги, – сказал я.

– Ограбишь банк? – спросила Юля, и я ощутил волну горячей благодарности к ней: самой наверняка реветь хочется, но она сдерживается, да еще и пытается шутить.

– Если надо, то ограблю пять банков, – пообещал я. – Люблю вас.

Мы договорились встретиться через час дома, и я вернулся в зал, где продолжалось гульбище. Шлепнулся на стул, и потянулся к коньячной рюмке, но быстро отдернул руку – не время пить. Надо оглядеться и подумать – вдруг кто из родственников даст займы, а я потом отдам, отработаю, да сам в рабство продам ради Сашки!

Братца отметаем, он хоть и не беден, но жлоб... кто еще?

Родичей у меня раз-два и обчелся, отец умер, когда мне самому было три, и с его стороны я никого не знаю, так что остается мамина сестра, и ее дети, все люди прекрасные, но не богаче меня, мда...

И тут на стул рядом со мной опустился Иван.

Нас познакомили в начале праздника, и он сказал, что мы виделись с ним много лет назад. Еще он сообщил, что приходится мне родственником, то ли мой двоюродный дядя, то ли мамин. Вот только я не мог вспомнить, чтобы она о нем говорила, и лицо его показалось незнакомым.

Иван улыбнулся, огладил ежик седых волос, мелькнула татуировка на кисти – когтистые пальцы, три штуки, точно птичья лапа.

– Сложности? – поинтересовался он.

– Нет, – попытался соврать я, хотя лгать не умею и не люблю.

– Егор, я знаю, что тебе нужны деньги, – заговорил он, наклонившись ближе. – Серьезные. Не на баловство.

– А вы мне их дадите? – спросил я, закипая.

Да кто ты такой, пятый дядюшка на киселе, чтобы лезть в мою жизнь, и что тебе надо?

Я спрашивал у братца насчет Ивана, но тот знал не больше моего.

– Нет, я не Трамп, – смуглое, морщинистое лицо пересекла лишняя юмора усмешка, как бескровная рана. – Я могу подсказать, где достать деньги. Честно заработать.

– Ну вот, а я думал, вы дадите мне ключ от квартиры, где бабки лежат...

– Егор, – он взял меня за запястье, и я ощутил, сколько силы в его пожатии: а ведь он раза в два старше меня, ему около пятидесяти, – не стоит отвергать подарки судьбы.

– Если эт штка, тоя... – я попытался сбросить его руку, но Иван держал крепко.

– Нет! – прорычал он так, что заглушил музыку, и на нас стали оглядываться.

Пьяные толстые морды, друзья и коллеги братца, наверняка только порадуются, если начнется драка.

– Нет, – повторил Иван уже спокойнее. – Это работа, опасная и сложная, не скрою. Настоящая мужская работа. Но ты же мужик, а не хлыщ вроде этих... – он повел головой. – Держи.

Он убрал руку и на скатерть передо мной легла визитка: «Иван Козырев», номер.

– Звони в любое время, – он поднялся и зашагал прочь, пружинисто и легко, точно юноша: кто же ты, и вправду такой, и какой тебе во всем этом деле интерес?

– Чтоб я сдох, – пробормотал я, убрал визитку в карман и мигом забыл о ней.

* * *

В офисе банка работали кондеи, и очень кстати, поскольку на улице царила неожиданная для мая жара, да и я кипел от гнева.

Петрович, сука жадная, на которого я работаю последние два года, не отказал мне напрямую. Нет, этот урод начал вещать, что времена тяжелые – ага, то-то он «Бентли» поменял на

новенький месяц назад – что арендаторы в нашем торговом центре сплошь гады жадные, что он прямо вот весь сочувствует моей дочери, но помочь не может, даже зарплату не поднимет.

И ведь знает, что без меня ему худо придется – где он еще найдет такого сменного инженера, который все умеет, от электрики до сантехники, работает на совесть, не бухает, не ленится и не ворует?

Наорал я на него, дверью хлопнул, и черт с ним.

Никогда не умел сдерживаться, с самого детства, всегда говорил в лицо, что думаю. Иногда, и даже часто получал за это по морде, пару раз всерьез, до травмпункта и хирурга, но от принципов не отступал.

Ладно, про Петровича можно пока забыть – мне нужны деньги, чтобы спасти Сашку...

Я вытер с лица пот, взял талончик, и вскоре уже сидел в уголке, дожидаясь очереди. Вспомнил, как сам сразу после института – «экономист-финансист» в дипломе, это вам не собачья какашка – пытался работать в таком же стерильном офисе, где и воздух свежий, и тихо, но зато тоска смертная.

Не выдержал, ушел туда, где руками надо что-то делать, чинить, настраивать, собирать. Поскольку еще лет в семь обнаружил, что это мне нравится, и что получается свои машинки не только ломать, но и ремонтировать, а жили мы бедно, мать медсестрой всю жизнь, поэтому если не починишь, будешь с обломками возиться. К старшим классам так наблатыкался, что соседи начали приходить, кому стиралку к жизни вернуть, кому кран текущий заткнуть, кому розетку поменять или там кондиционер повесить.

– Номер а тридцать семь, пройдите к окошку номер четыре, – произнес неживой голос из-под потолка.

Я глубоко вздохнул, зашуршала пачка бумаги, которую я потащил из рюкзака. Понятно, что всю эту банковскую премудрость я почти забыл, но все равно подготовился – сайт банка облазил, документы собрал, от справки из отдела кадров до справки от нарколога.

– Добрый день, – сказал я грудастой барышне в окошке номер четыре.

В другой бы момент – прости Юля – я бы заулыбался и начал подкатывать, но сейчас мне не до девок, надо дочь спасать.

– Добрый день, – она улыбнулась мне с дежурным равнодушием.

– Такая ботва... хочвзять кредит... – и я пхнул ей заявку.

Барышня утянула заявку, гладкий лоб ее пересекла морщинка, в глазах отразилась задумчивость. Мне достался оценивающий взгляд, я понял, что она оценила меня целиком, от лохматой рыжей шевелюры до дешевых кроссовок, от помятого рюкзака до содержимого карманов.

– Это не ошибка? – она ткнула наманикюренным пальчиком туда, где красовалась сумма с шестью нулями.

Дело ясное, такой доходяга как я должен брать десятку на новый телефон или полтос на мелкий ремонт, а тут миллион.

– Нет, – я облизал пересохшие губы и выдал остальные документы.

Меня окатило волной холода – то ли кондиционер прибавил анти-жару, то ли глаза дамочки за стойкой окончательно заледенели. Она похрустела бумажками, проглядела все до одной, словно надеялась обнаружить справку об условно-досрочном, и сообщила со все той же улыбкой:

– Увы, мы не можем предоставить вам заем.

– Но почему? – я сглотнул. – Доходов хватает! Два года! Я все отдам! Ясно же!

Ну да, я упросил кадровичку слегка завысить мне зарплату, ведь не могу же я рассказать в банке, что между сменами с утра до ночи бегаю по заказам, чиню все подряд, и зашибаю почти столько же, сколько у Петровича! Пойми же, блондинка с грудью, что мне нужны эти деньги, и что я пытаюсь добыть их как честный, порядочный гражданин!

– Вы... – начала она, и тут я выложил последний козырь.

Диагноз Сашки со всеми деталями – сколько стоит операция, и когда ее надо делать.

– Вот зачем мне нужна эта сумма, – все силы ушли на то, чтобы остаться спокойным, в этот момент я был слабее новорожденного котенка. – Пожалуйста, девушка.

Глаза ее вновь посетила задумчивость – готов поспорить, несчастный гость.

– Подождите.

Она ушла, а вернулась с типчиком чуть меня постарше, и даже чем-то похожим. Наверняка я стал бы таким, если бы усидел в банке – прилизанным, аккуратным, в белой рубашечке, с равнодушной мордой.

На меня он даже не посмотрел, для таких мажоров существуют только бумажки.

– Егор Игоревич, – типчик поднял взгляд. – Простите, но мы вам отказываем. Банк...

– Воттаксразу? – отчаяние ударило по внутренностям точно замороженное бревно. – Даже не рассмотрите заявку?

– А зачем время тратить? – на меня смотрели как на таракана, как на мерзкое насекомое, с лапок которого на аккуратный банковский пол сочится слизь, а от жвал поднимается вонь. – Очевидно же, что вы не в состоянии предоставить финансовое об...

– У меня дочь умирает! – я обнаружил, что стою, и что меня колотит от злости. – Понимаете это? Если нетденег, онатруп! – всегда, когда горячусь, глотаю звуки и слоги.

Типчик отшатнулся и забормотал:

– Мне очень жаль... Обратитесь в благотворительные фонды...

Я застонал – от боли, горя, ярости.

– Проблемы? – громыхнуло рядом.

Сбоку образовался человек-гора в темном костюме, крутые плечи под пиджаком напряглись, кулаки сжались.

– Выведите... – начал типчик.

Я попытался ему врезать, но не дотянулся, и лишь мазнул кулаком по гладкой щеке. Огромные лапищи ухватили меня, руки оказались прижаты к телу и меня поволокли в сторону дверей.

– Если онаумрет, тытруп! Труп! – рычал я, пытаюсь вывернуться из хватки охранника.

Тот сжал меня сильнее, и дыхание в груди кончилось.

Жаркий воздух улицы как полотенце хлопнул по лицу, от выхлопов заслезились глаза. Шершавый асфальт ударил по коленям, и в следующий момент мне в грудь прилетел рюкзак со всеми документами.

– Успокойся, – сказал охранник почти миролюбиво. – Но к нам больше не суйся. Ясно? Я тебя запомнил.

Тыльной стороной кисти я вытер глаза, обнаружил, что меня обходят люди, бросают пугливые взгляды, но мне было на всех вокруг наплевать, ведь я не смог, не справился... Пойти в другой банк, чтобы там получить такой же равнодушный отказ? Обратиться в благотворительный фонд?

Я принялся собирать бумажки в рюкзак, и обнаружил среди них визитку.

«Иван Козырев».

Вспомнился день рождения в пятницу... седой и морщинистый «дядюшка»... Мужская работа...

Налетевший порыв ветра захотел утащить визитку прочь, но я прижал ее рукой. Другой нашарил в кармане смартфон – надо хотя бы узнать, что имел в виду явившийся из небытия родственник...

* * *

Переступив порог, я очутился в крохотном офисе на два стола, один пустой, на другом комп и за ним – лысеющий дядечка в костюме. В первый момент я даже решил, что ошибся дверью, но нет, именно этот адрес, этаж и номер комнаты сообщил мне Иван.

– Чем могу поспособствовать? – спросил дядечка, улыбаясь так, что блестящая, точно пластиковая кожа у него на щеках пошла рябью.

– Я насчет работы... – пробормотал я. – Опасной, но за хорошие деньги...

– Превосходно, – дядечка указал на стул. – Присаживайтесь... как вас?

– Егор, – я опустил на ветхий стул, что помнил наверняка еще Советский Союз.

– Вы в курсе характера предлагаемой у нас работы?

– Ну, нет... – признаваться в невежестве не хотелось, ощущал я себя неловко, но отступить было поздно. – Но вы же мне расскажете?

– Конечно, – дядечка на миг замер, словно даже дышать и моргать перестал, превратился в надувную фигуру офисного работника, я даже испугаться успел, но он снова ожил. – Работа далеко от дома... вахтовая... срок контракта – пять месяцев, досрочное расторжение возможно при наличии транспортной возможности по возвращению персонала.

– А куда ехать-то?

– Далеко, – он неопределенно помахал рукой. – Очень далеко.

– А что делать придется? – продолжал наседать я.

– Исполнять приказы вышестоящих, – дядечка вроде бы отвечал на вопросы, но делал это так, что ничего толком не сообщал, и я начал злиться; а еще в нем было какая-то непонятная чуждость, он выглядел... не таким, неправильным, словно нарисованным. – Желаете посмотреть на контракт?

– Ну давайте.

Контракт был на страничку, заключался он между Контрактантом, то есть мной, и Контрактером, неким ООО «Гегемония». Досрочное расторжение действительно подразумевалось, вот только в этом случае Контрактант терял финальную премию, то есть половину от общей суммы плюс все остальные выплаты, до которых не дошло дело.

– А сколько платите?

Дядечка распахнул глаза, точно я спросил его о длине причандалов.

– Работа очень рискованная, существует вероятность гибели в процессе, – сообщил он. – Зато и вознаграждение немалое, пятьдесят тысяч американских долларов.

Пятьдесят тысяч? Мне стало жарко.

Двадцать процентов они дают сразу, в три дня после подписания контракта, а это значит можно сделать первый взнос на операцию Сашке, потом еще пятнадцать тысяч кусками... и последние двадцать пять отдадут в виде финальной премии ровно через пять месяцев, день в день. Так что должно хватить и на лечение, а Юлия что-то в своей больнице зарабатывает, так что с голоду без меня не умрут, и она с дочкой, и мама.

Та вышла на пенсию полгода назад, и не по возрасту, по здоровью, так что платили ей мало, и я подкидывал десятку каждый месяц.

– Так куда вы меня отправите? На Северный полюс? В Сахару? – спросил я.

– Далеко, – повторил дядечка. – Поверьте, я бы очень хотел вам это сообщить. Только я не могу, вы мне не поверите, решите, что я не совсем здоров, и наш контракт не состоится.

– Чтоб я сдох! – он мне все так же не нравился, и лысинка эта в окружении прилизанных волос, и странный акцент, то ли прибалтийский, то ли немецкий, но пятьдесят тысяч долларов... или он от Ивана узнал, какие у меня проблемы, и предложил именно эту сумму? А Иван

откуда в курсе, я даже братцу двоюродному ничего не рассказывал, и мама тоже. – Но что за опасность?

– Разные существа будут мешать вам выполнять вашу работу... очень активно. Результатом могут стать ранения, повреждения, утрата конечностей, а также всей жизни. Последний случай становится основанием для разрыва контракта и прекращения выплат по нему.

Понятно, если неведомые «разные существа» меня уколошат, то Сашка скорее всего умрет. Значит единственный выход – не дать им этого сделать, прожить эти пять месяцев и вернуться.

– А позвонить домой можно будет?

– О да, – дядечка закивал так активно, что я испугался за его тонкую шею: переломится, и офисопланктонная голова отвалится, упадет на стол, а затем прикатится мне на колени, где так же будет пучить глаза и вещать ерунду.

Бррр...

– Но не в любой момент, а при наличии пространственной возможности в конкретной точке времени, – продолжил он, – связь обеспечивается внешним поставщиком, который к нашей корпорации не имеет отношения, мы ее только оплачиваем, то есть берем все расходы на себя.

– А если я подпишу, возьму аванс и исчезну? – спросил я.

– Я бы не стал на вашем месте этого совершать, – дядечка хмыкнул, и получилось у него очень выразительно. – Наша корпорация имеет значительные возможности. Спрятаться от нас на этой планете нельзя.

На этой планете? Что, я могу удрать на другую? На Марс?

И какие возможности у конторы, что вынуждена снимать в областном центре такой вот жалкий офис с одним сотрудником? Попахивало все это фарсом, розыгрышем, дурацким телешоу со скрытой съемкой со всех углов, горластым идиотом-ведущим и тысячами дебилов-зрителей, которые сейчас созерцают мое лицо, тоже наверняка не особенно умное.

Но если за этот фарс, за это телешоу мне дадут хотя бы десять тысяч зеленых, то плевать, пусть я хоть отправлюсь на тропический остров, чтобы под камеры жрать там червяков и строить дом любви.

– И да – о том, что вы увидите у нас на работе, нельзя будет рассказывать, – проговорил дядечка. – Вообще никому. Документов по этому поводу мы не составляем. Однако вы поймете... сразу поймете, отчего так.

За улыбку на его лице мне захотелось этого типа придушить.

– Да что же за работа у вас? – не выдержал я. – Трупы надо будет закапывать? Медведей голыми руками ловить? Китаю надрачивать? За что такие бабки платят?

Дядечка продолжил улыбаться, словно не услышал моих вопросов.

– Я понимаю, вам трудно принять решение, – сказал он. – Думайте, сколько угодно. Решитесь – приходите сюда, я всегда для вас появлюсь на месте. Подпишем, аванс, и сразу же отправка... с собой ничего брать не нужно, все необходимое выдадут на месте.

– Ладно, – буркнул я, и поднялся: с женой все равно надо посоветоваться.

Закрыв за собой дверь офиса ООО «Гегемония», я понял, что толком ничего не узнал об «опасной работе для настоящих мужчин». Понял только, что платят там реально хорошо, и что это вариант спасти Сашку, не ограбив для этого банк.

Глава 2

Я не знаю, что нашла во мне Юля, но мне с ней страшно повезло.

Мало того, что она терпит мои закидоны, она еще и красавица, каких поискать. Мужики на улице смотрят ей вслед, открыв рот, эккаунты в соцсетях она не заводит, поскольку знает, что там ее атакуют турки с арабами и прочие любители слать в личку фотографии МПХ.

Но вместо того, чтобы бродить по подиуму где-нибудь в Париже или флиртовать с звездами Голливуда, она лежит со мной в кровати, и обнимает так, что я могу ощущать каждую выпуклость ее тела. И от этого внутри уже моего тела начинается шторм, мне хочется гладить ее спину, целовать упругую грудь с острыми сосками, тискать ягодицы. Проникнуть внутрь, стать с ней одним существом, взорваться в едином порыве!

Хотя мы кончили вместе всего десять минут назад!

Я люблю ее всем сердцем, рядом с Юлей я не могу думать о других женщинах, от одного ее запаха, от звуков ее голоса мужские гормоны во мне гарцуют и бьют копытами. Жаль, что эта магия не работает, когда мы расстаемся... жалею, страдаю, но сделать ничего не могу, веду себя иногда как последний кобель, и она об этом знает, но даже не упрекает, и от этого еще хуже.

В соседней комнате ровненько посапывала Сашка, и мне было так хорошо, как давно уже не было – наверное с того дня, когда стало ясно, что болячка у нашего ангелочка очень серьезная.

– Тут такая ботва... – начал я, когда ко мне вернулось дыхание. – Я нашел деньги.

С мамой я поговорил еще утром, она поворчала конечно, сказала, что за пять месяцев разлуки может и помереть, но в конечном итоге сказала «мужик взрослый, сам решай, что делать» – эту фразу она ввела в оборот, когда мне исполнилось десять, и я всегда старался соответствовать. Осталось убедить жену, а это задача несколько сложнее.

Юля слушала молча, как я рассказываю о визите в ООО «Гегемония», но все сильнее напрягалась под моими руками. Я гладил ей живот, шелковистый и мягкий, и тот становился все более твердым, а налитые кровью соски, которые я ощущал плечом, наоборот сдувались, размягчались.

– Так что вот, все будет хорошо, – сказал я в завершение.

Тут она вывернулась из моих объятий и села.

Я не мог видеть лица Юли в сумраке спальни – ночь, свет фонарей отгорожен плотными шторами. Но я мог представить ее до малейшей детали – очень светлые волосы, не крашенные, свои в сочетании со смуглой кожей, глаза странного оттенка карего, почти красные.

– Ты с ума сошел? – спросила она шепотом. – Ты не представляешь, куда собрался!

– За деньгами на операцию, – повторил я.

– Никаких денег не будет, если ты там погибнешь! – судя по голосу, Юля хмурилась, а кулачок на моем бедре был крепко сжат. – И что нам делать в этом случае? Подумал об этом? Эх, ты...

– Но с чего ты взяла, что я погибну? Не на войну же меня отправят?

– А вдруг на войну?

– Меня? – я расхохотался, но прихлопнул собственный рот ладонью: не хватало еще разбудить Сашку. – Я конечно служил в армии, но упражнялся там с кисточкой и молотком, а не с автоматом.

Ну да, год в рядах защитников родины я провел, занимаясь полезным трудом на благо командиров, ну а пострелять нам, обычным пехотинцам, дали всего несколько раз. Поэтому вояка из меня получится тот еще.

– И все равно – ты не знаешь, – сказала Юлия настойчиво. – Вдруг это наркотики? Что-то еще незаконное?

– Поиск наркокурьеров по объявлениям? – съязвил я, понемногу начиная злиться. – Вряд ли Иван отправил бы меня в такое место, все же мы родственники...

В последнем я сомневался, конечно, но с другой стороны – какая выгода ему от самозванства?

– Не нравится мне этот Иван, – она раздраженно тряхнула головой, закусил губу. – Выскочил, как черт из табакерки, и...

– Но что ты предлагаешь? – перебил я. – Сидеть и смотреть, как Сашка умирает?

Сказал я это резче и громче, чем намеревался, и тут же пожалел об этом.

– В банке я побывал, – продолжил я уже тише, – к Петровичу ходил, говорил с ним. Что остается? Фонды? Милостыню на улице просить? Я же работаю, как вол, но я не...

– Я знаю, – она положила руку мне на грудь, и от этого прикосновения по всему мне побежали сладостные мурашки. – Но должны быть другие пути... Про фонды я узнавала... Можно, но очереди большие, и хватит ли у нас времени, пока они заявление примут, рассмотрят и так далее... Но...

– А тут десять тысяч сразу! – снова влез я. – Извини.

– Должны быть другие пути, – повторила она. – Например, я могу продать почку.

Меня словно ударили по башке деревянной киянкой, в ушах зазвенело, так что я даже не расслышал собственный хриплый, сдавленный вопрос:

– Ч-что?

– Продать почку, – голос Юли звучал спокойно, словно она говорила о том, чтобы отрезать свою гриву и сдать на парики – волосы-то отрастут, а вот новая почка вряд ли. – Она стоит немало, поскольку я молода и здорова.

– Е... ты... как?.. Бл... ел... – на язык ринулось сразу много слов, и тот едва не завязался узлом.

Да, моя жена врач, она понимает что-то в таких делах. Но нет, такого я не допущу! Чтобы она повредила себе? Чтобы искалечила себя, а я, здоровый мужик, просто смотрел?

– Лучше тогда мою! – прорычал я, пытаюсь сдержать ярость, от которой было холодно в затылке, а сердце билось коротко и неровно, как в агонии. – Я тебе не позволю!

– И дашь Сашке умереть?

– Нет! Пойду и запишусь на эту работу, и плевать, что мне там придется делать!

– А это уже я тебе не позволю! – и тут я впервые за все эти годы услышал гнев в голосе Юли.

Мне хотелось заорать, вскочить с кровати и пнуть стену.

– Ладно, – выдавил я, не знаю какими усилиями справившись с собой; вспотел не хуже, чем во время постельных кувырканий. – Давай утром поговорим... Чего уж сейчас...

Юля молча встала с кровати и пошла в ванную.

Спали мы в эту ночь не в обнимку, как обычно, а отвернувшись друг от друга.

* * *

Врач выглядел по-настоящему уверенным седым профессионалом, а на ослепительно-белый халат наверняка стеснялись присаживаться даже наглые мухи. Говорил он негромко, веско, хотелось верить каждому слову – и что все будет хорошо, и что девочка справится, и что возможна полная реабилитация и здоровая долгая жизнь.

После первой, ночной, я выдержал еще две битвы с Юлей, и на третьей она сдалась. Просто узнала, что сдать почку и получить за это деньги – процедура долгая, может занять не один месяц.

Так что я наведалься в ООО «Гегемония» еще раз, подписал договор и получил аванс. Тут же перевел его куда надо, и мы отвезли Сашку в больницу, пока на углубленное обследование.

– Сколько у нас времени? – спросил я, не отводя взгляда от лица дочери.

Девочка в три года должна быть живой и румяной, а не серой и вялой, и если уж на чужого ребенка смотреть больно, если он нездоров, то на своего... сердце переворачивается и слов не хватает... и злости не хватает – на судьбу, на проклятую хворь, на несправедливость этого мира.

– Э... – врач осекся. – Я бы не хотел вдаваться в конкретику...

– Павел Семенович, пожалуйста, – подала голос Юля, крепко сжимая мой локоть. – Говорите откровенно.

Я поднял глаза и обнаружил, что голос-то у доктора куда уверенней, чем он сам.

– Я же понимаю, какой у нее диагноз, – продолжила моя жена. – Пожалуйста.

– Если не сделать операцию в эти полгода, то прогноз течения болезни, скорее всего, будет неблагоприятный, – и врач посыпал терминами, пряча за ними собственные опасения и тревогу: наверняка иные родители в такой ситуации упадут в истерику, папаша в проклятья, мама в слезы.

Но нет, мы не будем истерить, мы будем Сашку спасать.

Я поеду туда, где смогу заработать достаточно, и выживу, вернусь целым и здоровым. Девочки мои будут здоровы, чтоб я сдох, и будут счастливы, что у них есть такой вот муж и отец.

– Спасибо, Павел Семенович, – сказала Юля, и врач вышел из палаты.

Мы остались вдвоем, и я присел на стул, наклонился к дочери.

– Ты как, ангелок?

Сашка ничего не ответила, только улыбнулась, лучезарно-лучезарно, и стала так похожа на мать, что мне захотелось плакать – те же волосы, черты лица, глаза, только копия чуть поменьше. А потом она неожиданно сунула мне в руки маленького плюшевого пингвина на карабине и сказала:

– На, папа.

– Зачем? Он же твой?

Этого пингвина я когда-то подарил Юле, когда мы только начали встречаться, и она его таскала на рюкзаке. Когда мы съехались, он перебрался жить на гвоздик рядом с зеркалом в прихожей, ну а после рождения дочери оказался у нее в кроватке, где стал любимой игрушкой.

Жизнь его потрепала, но пингвин оставался крепким и разваливаться не собирался.

– Твой теперь, – сказала Сашка. – Ты же уедешь, будешь без нас скучать, да?

– Да, – подтвердил я.

Частенько она удивляла нас, когда говорила подобные взрослые не по годам вещи. Может быть страдания и вправду делают так, что человек умнеет, мудреет, растет быстрее. Но как же страшно, когда видишь перед собой такого вот маленького, измученного старичка.

Так что ну к чертям эту мудрость, пусть дочь остается ребенком, была бы здорова.

– А с ним тебе не скучно, – тут Сашка протянула ручонки. – Давай обниматься.

Я аккуратно обхватил ее, прижал в себе, а когда отодвинулся, то понял, что на глазах слезы, и что сейчас опозорюсь, расплачусь прямо тут, и это я, всегда считавший себя настоящим мужиком.

– Пока, – выдохнул я, и встал с таким трудом, словно на плечи мне поставили небоскреб.

С матерью я простился утром, забежал к ней, завез денег, починил барахливший телевизор, старый, еще с кинескопом – от нового, плоского, она шарахалась как от чумы. Заявление об увольнении швырнул в морду Петровичу еще вчера, чем его страшно удивил и вызвал поток смешанных с угрозами жалоб.

Ну ничего, пусть теперь помучается, гнида жадная, когда очередное ЧП придет.

– Ну что, все? – спросила Юля, когда мы вышли из палаты в коридор, под безжизненный белый свет. – Так и поедешь? Бросишь нас тут одних? Эх, ты...

– Не брошу, – язык мой ворочался как парализованный удав. – Там будет связь. Позвоню...

– Да ну? – она посмотрела на меня недоверчиво, отвела взгляд.

– Ты же понимаешь, что я не хочу никуда уезжать! – я все же справился с языком. – Остался бы тут, с вами, но что тогда?

Мимо прошмыгнула медсестра, стрельнула в нас любопытным взглядом.

– Метаться, пытаюсь заработать эти деньги, и смотреть, как Сашка умирает? – продолжил я, дождавшись, пока вилявшая задом медсестра не исчезнет в одной из палат. – Так я хоть попытаюсь ее спасти, а тут и шанса не будет.

– Ты не вернешься, – сказала Юля с такой холодной обреченностью, что я вздрогнул. – Поэтому всех денег тебе не заплатят, и мне все же придется отдать почку. Завтра же подам документы.

– Нет, нет, – простонал я. – Не делай этого!

Она подошла ближе, положила голову мне на плечо, так что я ощутил ее тепло, ее дыхание.

– Ты пытаешься спасти Сашку всеми силами, я знаю, – прошептала Юля горячо. – Рискуя жизнью... Но даже этого может оказаться недостаточно, и поэтому я тоже буду пытаться спасти ее всеми силами.

Я стиснул зубы и несколько минут мы стояли молча, не обращая внимания на ходивших мимо людей – матери лежащих в палате детей, врачи, медсестры, посетители.

– Я вернусь, – сказал я, сглотнув. – Обещаю.

– Тогда иди, – Юля отстранилась. – И возвращайся.

Я поцеловал ее и зашагал в сторону лестницы, а у двери на нее обернулся и помахал жене. Только на улице обнаружил, что все так же сжимаю в руке плюшевого пингвинчика, и мне стало так горько, грудь пронзила такая боль, что я едва не завыл, точно сбрендивший волк.

* * *

Я так и не запомнил, как звать офисного дядечку из ООО «Гегемония», хотя видел имя в документах, да и все равно мне было, честно говоря.

– Присаживайтесь, Егор, – сказал он, улыбаясь, точно кукла из дешевого пластика. – Прибыли для доставки к месту работы?

– Ну да, дело такое, – я постарался улыбнуться в ответ, хотя поджилки тряслись. – Повежете как? На самолете? Прямо отсюда?

Хоть он и говорил не брать ничего, я прихватил рюкзак, и спрятал в кармашек паспорт. В главном отделении нашлось место для бутылки воды, зубной щетки и пасты, ну а еще там неожиданно оказался пингвинчик дочери.

При одной мысли о ней живот скрутило.

– Догадливость ваша есть хороша, – сообщил дядечка, поглаживая круглую лысину. – Прямо отсюда. Только не самолет.

А что тогда? Автомобиль?

– Но сначала маленькая операция! – он поднялся из-за стола, сделал приглашающий жест. – Прошу, Егор, направляйтесь вот сюда... дело в том, что там вас ждет многоязычный коллектив, а вы говорите только на родном языке. Так ведь, не ошибка?

Я помотал головой, с удивлением разглядывая массивную, едва ли не бронированную дверь в стене. И как это я ее проглядел во время первых двух визитов – черную металлическую громаду... или так психовал, что не заметил бы и слона в уголке?

Да нет, точно тут ничего не было!

– Но даже знание английского окажет мало помощи, – дядечка распахнул дверь. – Поэтому мы поставим вам переводчик.

– Что значит «поставим»? – я пересек порог следом за ним.

За дверью была то ли процедурная, то ли лаборатория – кушетка с подушкой, над ней нечто вроде старинного фена в виде колпака, стойки с приборами, а у окна дуга из блестящего металла, достаточно высокая, чтобы под ней прошел центровой-баскетболист.

– На затылок, – собеседник мой принялся натягивать на белые и гладкие пальцы такие же белые перчатки. – Ложитесь вот сюда, лицом вниз, это не будет совсем больно.

Я попятился:

– Э, на такое я не подписывался!

– Пункт три подпункт семь контракта, – сообщил дядечка, в оперчатенных руках которого появилась сеточка с носовой платок, с блестящими капельками в узлах. – Контрактер получает право совершать физические усовершенствования с телом Контракта... Но вы, Егор, можете отказаться, разорвать соглашение, вернуть деньги.

Нет, не мог я ничего вернуть!

И он, этот неправильный офисный планктон, больше похожий на робота, чем на человека, это знал.

– Твою мать... – буркнул я. – Больно не будет?

– Совсем нет. Но сознание может быть потеряно.

Я лег на кушетку, уперся лбом в холодную и почему-то колючую подушку. Попытался развернуть голову, чтобы видеть – что он там творит, но чужая ладонь уперлась в висок, не дала этого сделать.

Что-то коснулось волос на затылке, внутри у меня все сжалось, кровь заревела в ушах. Прикосновение было сначала теплым, потом я неожиданно ощутил сильнейший холод – во всем теле, от макушки, до пяток, и зубастая пасть вцепилась мне в основание шеи. Я почти услышал, как хрустнули позвонки, дернулся, но понял, что тело не слушается.

За первым укусом последовал второй, выше, потом третий – в глубине черепа. Перед глазами взвихрились разноцветные огоньки, показалось, что я распадаюсь на части, ноги летят вниз, руки в стороны, голова висит на месте, только крутится, ребра выворачиваются, словно решили превратиться в крылья.

Одновременно я чувствовал, как пот струится по лицу, по животу... внутри!

Последнее ощущение показалось отчего-то самым жутким, я застонал, но судорога намертво сжала рот. Огоньки сменились глухой чернотой, холодное и вонючее полилось в горло, царапая нёбо и гортань.

Я моргнул, и понял, что лежу на спине.

– Егор? – склонившийся надо мной розовый предмет оказался лицом дядечки. – Понимаете меня?

Рот открыть получилось со второй попытки.

– Д... да... – выдавил я.

– Чувствуете себя хорошо?

– Да, – увереннее произнес я, хотя меня тошнило, страшно болела голова, и еще казалось, что я нахожусь сразу в нескольких местах: и в этой процедурной-лаборатории, и дома, у нас в спальне, и еще где-то в коридоре торгового центра; несколько слоев реальности накладывались друг на друга, и это было страшно, хотелось закрыть глаза.

– Переводчик иногда приживается нехорошо, – дядечка со шлепком стянул перчатку. – Может мерещиться разное, могут быть сильные боли... тогда мы его удаляем, и разрываем контракт, поскольку это опасно. Но заранее предсказать ничего невозможно. Надеюсь, вы в порядке?

Как раз в этот момент мне в голову словно воткнули раскаленный железный прут.

«Нихрена не в порядке! – мог завопить я. – Снимите с меня эту штуковину! Немедленно». И что потом – меня проводят до выхода, а аванс придется возвращать, да и Сашку забирать из клиники, когда станет ясно, что мы не в состоянии оплатить операцию? И Юле продавать почку, самой лечь под скальпель, рисковать здоровьем?

Так что нет, не дождетесь!

– Сейчас, немножк, – выдавил я, садясь на кушетке.

Только не блевануть на пол, только бы я укоренился наконец в одном месте!

– Глова кружтсся, – добавил я, и ощупал затылок, надеясь обнаружить следы сеточки-переводчика, но не нашел ничего, кроме волос, кожи и укрытых под ней костей.

– Прибор теперь внутри, его не видно, – стащивший вторую перчатку дядечка верно истолковал мой жест.

Я закрыл глаза, принялся дышать как можно глубже, как можно глубже, чтобы голова проветрилась, вся эта ерунда кончилась, я стал самим собой, безо всякой боли и всякой ереси, что привиделась...

И помогло!

Минут через пять я ощутил себя человеком, ну легкая тошнота не в счет.

– Готовы к отправке?

– Дело такое, готов, – сказал я.

Дядечка ослабился, точно кинозвезда на красной дорожке, и щелкнул пальцами. Металлическая дуга у окна засветилась, по ней с гудением побежали искры, запахло озоном. Искры стали гуще, и слились в молнии, те переплелись, и вскоре под дугой колыхался занавес голубовато-лилового пламени.

Мне хотелось закрыть глаза снова, и так, не открывая их, удрать отсюда.

– Что это? – спросил я.

– Доставка до места работы, – дядечка, судя по голосу, был очень собой доволен. – Прямо отсюда, как я и говорил.

– То есть... мне что? Лезть в это?

– О, это совершенно безопасно. Сейчас вы тут, а через миг уже там, где требуется. Там вас встретят и все расскажут.

Объяснение было, как всегда, совершенно бесполезным.

Нет, ну я видел фантастические киношки, где герои шлялись через такие штуки, и называли их порталами. Но то киношки, а то задрипанный офисный центр посреди родного города, банальнее только помойка.

Все же телешоу? Шуточки на потеху зрителям?

Хотя какая разница?

– Ладно, – я поднялся с кушетки, понял, что ноги мои дрожат, и очень сильно. – Счастливого оставаться.

Кое-как я сумел сделать эти пять шагов, а затем голубое пламя поглотило меня.

Глава 3

В голове мутилось, нижние конечности продолжали трястись, а я пытался сообразить, где нахожусь – где-то глубоко внутри я ждал, что голубое пламя окажется спецэффектом, и что пройдя через него, я упрусь мордой в пол, а дядечка с круглой лысинкой засмеется и скажет «Улыбнитесь! Вас снимают скрытой камерой!».

Но нет...

– Добро пожаловать в пределы Гегемонии! – произнес голос женский, но резкий.

Я сморгнул, паника клюнула в грудь изнутри, точно хищный птенец – я сошел с ума и брежу, а добрые доктора вкалывают мне успокоительное и держат мою тушку в «гостиничном номере» с мягкими стенами?

Передо мной стояли двое в темно-зеленой униформе.

Голос принадлежал высокой дамочке, на свирепом лице которой красовались... три холодных голубых глаза. Третий над переносицей ничем не отличался от остальных, он был ни нарисованным, ни имплантированным украшением, он так же моргал и смотрел на меня без приязни.

Рядом с дамочкой возвышался лысый верзила с кожей в тон униформе и глазами не темными, а сплошь черными, как шарики из угля; этот со скучающим видом пялился в сторону.

– Э... а... – протянул я.

– Добро пожаловать на службу! – произнесла дамочка. – Руку поднять!

Я автоматически подчинился, но потом отдернул конечность – кто они такие, и почему тут распоряжаются?

– Это приказ! – рявкнула дамочка. – А я – твой командир, центурион Лиргана! Правую – вверх!

Командир? Центурион? Это что, я в армии? Ну и ботва!

Только ошеломлением можно объяснить то, что я поднял руку – ненавижу всю военную дисциплину, хождение строем, отдавание чести и прочую ерунду, еще с детства. На запястье у меня защелкнулся почти невесомый браслет то ли из кожи, то ли из пластика, над ним выросли колонки цифр.

– Это персональный классификатор, – Лиргана отступила на шаг, смерила меня взглядом. – Снимать его нельзя, да у тебя и не получится. Он показывает уровень опыта. Набранный опыт повышает твой класс, открывает возможности и дает перспективы. Сейчас, поскольку ты варвар, только что поступивший на службу Гегемонии, у тебя нулевой класс. Служи честно, исполняй приказы, и ты сможешь добиться всего, стать гражданином...

Она рассказывала дальше, я почти не слушал, цеплялся за мысли, что разлетались как испуганные чайки, и орали так же громко. Итак, я все же в армии, черт знает где, черт знает какой – «центурион» намекает на Древний Рим, но вокруг совсем не амфитеатры с коллизеями.

Огромный зал, без окон и украшений, в дальнем конце видна дверь, над ним большой черно-золотой герб: кулак, охваченный языками пламени.

– Ко мне обращаться по званию, вопросы начинать с «разрешите обратиться», – вещала Лиргана: ну точно, армейские порядки везде едины, что в первом веке до нашей эры, что в двадцать первом нашей.

Или я в будущем? Куда меня перенесла дуга, заполненная лилово-голубым огнем?

Первый испуг прошел, ощутил я себя увереннее, и обнаружил, что Лиргана очень даже ничего: фигура стройная, ноги длинные, под форменной курткой заметны тяжелые выпуклости, только какие-то странные... три груди, как три глаза, одна под правую руку, другая под левую, третья под язык? Интересно было бы попробовать, да и попробуем еще.

Я облизал губы, ощутил напряжение в паху.

Ну вот, не успел расстаться с женой, уже собираюсь вдуть трехглазой и трехгрудой бабе! – Слюни подбери, кусок дерьма! – Лиргана, похоже, заметила, куда я смотрю. – Смирно! Тело отреагировало так, словно я дембельнулся вчера, а не семь лет назад.

Презрения во взгляде центуриона с самого начала было хоть отбавляй, но теперь к нему прибавилась откровенная ненависть, тонкие губы исказила кривая усмешка, глаза сузились. Это меня удивило – обычно женщине приятно, когда в ней видят красивую женщину и ее хотят, но тут все иначе.

Лесбиянка? И вообще, у них в армии что, гендерное равноправие?

– Зачем ты пошел к нам на службу? – спросила Лиргана.

– Деньги нужны. Для семьи, – я осознал, что слышу вовсе не звуки русского языка, что мои собеседники говорят на каком-то ином наречии, но я все понимаю до последнего слова: это было страшно, удивительно, и неожиданно.

Переводчик в затылке?

– А точнее? – подал голос верзила и впервые посмотрел на меня.

Центурион метнула в него раздраженный взгляд, а потом вновь уставилась на меня. На миг, только на миг маска из презрения опустилась, и я увидел в ее взгляде похоть, нескрываемую, жадную.

Если бы было можно, то она бы повалила меня на пол прямо тут, уселась сверху и сама засунула мне в рот все три груди!

– Дочь у меня болеет, – я вздохнул. – Нужна операция, и очень дорогая. Срочно.

Говорить о том, что не знал, куда отправляюсь, я не стал – зачем, поздно уже.

Похоть с лица Лирганы ушла, ее место заняла ненависть, еще более сильная, чем раньше – теперь она смотрела на меня так, словно я изнасиловал ее ребенка у нее на глазах, потом убил его, пожарил и сожрал. Я даже отшатнулся – такой вулкан из злобного напора и желания уничтожить закипел в трех голубых глазах.

Да что же не так с этой бабой? Что я такого сказал?

– Это твой десятник Йухиро, – процедила центурион через стиснутые зубы, а потом этими зубами заскрежетала так, что я вздрогнул.

Вот свезло мне с командиршей!

Эта психованная меня в гроб вгонит не за пять месяцев, а намного быстрее. Проклятье! Может быть удрать, отступить, вернуться домой без денег, но живым и здоровым?

Но я вспомнил Сашку на больничной койке и отогнал трусливую мысль.

– Десятник, – подтвердил верзила, и провел ладонью по обритой макушке, где пробивалась алая поросль, и я вновь застыл с открытым ртом, поскольку на руке у него было шесть пальцев!

Да кто они такие? Инопланетяне? Мутанты?

Лиргана развернулась, затопала в сторону двери под гербом-кулаком, и я проводил взглядом ее крепкую задницу – вполне человеческую на вид, как раз потискать.

– Вижу, облик наш тебе непривычен, – Йухиро тоже говорил не на русском, уши кололо от необычных созвучий, но я все понимал. – Но ничего, милостью Гегемона и по мере вращения Священного Колеса разумные ко всему привыкают. Привыкнешь и ты. Пойдем.

И я пошел за ним, пытаясь справиться со страхом и недоверием.

* * *

Переходы, лестницы, стены, и ни единого окна, так что у меня даже голова закружилась. Йухиро привел меня на склад, где мне выдали такую же, как у него форму, только без знаков различия, зато с тем же черным кулаком в окружении золотых языков пламени на правой стороне груди.

Свои шмотки я запихал в рюкзак.

– Сейчас как раз обед, – сказал десятник, когда мы выбрались в коридор.

– Посторонись! – рявкнули за спиной.

Я прижался к гладкой металлической стене и в ужасе уставился на двоих типов уже в серой форме, которые тащили нечто вроде фонарного столба, завернутого в плащ-палатку, а тот шипел и извивался. Меня задела локтем, и мне же достался злобный взгляд от обладателя курчавой шевелюры, откуда торчали маленькие рожки, как у козленка.

У лестницы мы наткнулись на двух мужиков в небесно-голубом, куртки сплошь в нашивках и эполетах.

– Пилоты-атмосферники, – пояснил Йухиро. – Корабельные были бы в темно-синем. Пока не разобрался, что к чему, отдавай честь всем. Пока ты никто здесь, пустое место. Нулевой класс.

Я кивнул, но не слишком бодро – голова шла кругом.

Пилоты напоминали людей, разве что кожа слишком красная, словно оба только что обгорели, и волос совсем нет – ни бровей, ни ресниц, ни следов того, что они бреют головы, как тот же десятник. Есть ли вообще люди там, где я оказался, и где я оказался? Подземелье? Упратанная в толще скалы военная база?

– А откуда они знают, что я нулевой класс?

– По браслету видно, – он поднял руку, и я увидел такой же браслет, и парящую над ним цифру «семь», полупрозрачную, словно из тумана или дыма. – Но не тревожься. Последние, чьи души пройдут чрез пламя очищающее, будут первыми в конце пути...

Последнюю фразу Йухиро произнес нараспев – явно цитата.

Очень хорошо, центурион, у которого я в подчинении, ненормальная и меня возненавидела с первого взгляда, десятник вроде неплохой мужик, но похож на религиозного фанатика, а еще мне придется ходить по струнке, отдавать честь всем подряд и шугаться громких звуков, поскольку я салага, и каждый может дать мне пинка... Красота, «приятная» работа меня ждет, но что для настоящего мужчины – это точно.

Ладно хоть честь тут отдают так же, как у нас.

На следующем повороте под ноги мне бросилось что-то маленькое, черное, то ли крыса, то ли кот.

– Брысь! – Йухиро махнул рукой, и мохнатое существо, у которого оказалось слишком много лап, взбежало по стене и юркнуло в вентиляционное отверстие без решетки. – Паразиты. Спасу от них нет, травим периодически, а их все равно тут тысячи.

Еще одна лестница, коридор, в нос ударили запахи жареного мяса, специй, и мы оказались в большой столовке. Никогда бы не подумал, что так обрадуюсь, увидев типичное армейское помещение для принятия пищи, но хоть что-то знакомое, обычное – подносы, стеллажи, длинные столы и пластиковые стулья.

Мне чуть полегчало.

– Делай как я, – велел Йухиро, и я вслед за ним встал в хвост очереди.

Вот только жратва тут оказалась куда лучше, чем я ожидал – сочащиеся жиром куски свинины, облитые соусом вроде брусничного, соленая рыбка пластами, розовая плоть блестит и просится на язык, тушеные овощи вроде баклажанов, засыпанные черными семенами. У меня в желудке заворчал так громко, что стоявший перед Йухиро невысокий парень оглянулся.

Моргнул блеклыми глазами, облизал пухлые губы.

– Десятник, это новенький? – спросил он. – Вапще!

Йухиро кивнул.

– Ух как клево, ха-ха, блин! – он схватил поднос. – Разрешите, десятник, я к нему! Все покажу и расскажу!

Йухиро кивнул снова, и мы двинулись вдоль стеллажа, набирая с него тарелочки с печеными яблоками, что были все в сахаре, и с чем-то вроде сливок красного цвета с разными ягодами внутри.

– Я Макс, – заявил обладатель блеклых глаз и пухлых губ. – А тебя как зовут?

Меня словно током ударило – Макс? Никаких рогов, два глаза, кожа розовая? Неужели человек?

– Ег... Егор, – сказал я. – Тут еще люди, кроме нас с тобой, есть?

– В нашей центурии никого, ха-ха. Но как сказал Ленин – уникальность это супер! Бери больше, все на халяву! Я из Москвы, сюда три дня назад угодил, уже со всеми познакомился, тут хорошо... вапще!

Он болтал, не переставая, а я думал, что если из меня вояка аховый, то из этого мягкотелого хлюпика еще хуже – я-то хоть служил, а он, судя по замашкам, ошивался по барбершопам, крафтовым пабам и клубам. Зачем Гегемонии такое пушечное мясо?

Наверняка нам не дадут оружия, мы на самом деле что-то вроде стройбата, а рассказы насчет опасности – бред вербовщика.

– А они все – кто? – спросил я, понизив голос и мотнув головой в сторону столов, за которыми сидели десятки разных существ, с красной кожей и белоснежной, с чешуей и перьями на голове, без волос и с таким количеством волос, что хватило бы на медведя, но все на двух ногах, с двумя руками и одной головой.

И да – девчонок не меньше чем парней.

Хотя кто сказал, что армия Гегемонии должна быть устроена так же, как земные?

– Мы все тут разумные, – ответил Макс. – У них есть еще такой специальный термин, который, ха-ха, обозначает всех, кайтеритов, шавванов, всех, до самых диких варваров кроме нас, но я его не запомнил, ведь переводчик его переводит всегда вапще.

Варваром мне быть не нравилось, но на душе полегчало еще – тут есть люди.

Стеллаж закончился, и мы остановились, выглядывая свободные места.

– О, пойдём к Диль! – воскликнул Макс, и направился туда, где в одиночку сидела широкоплечая девушка с круглым лицом и серыми, точно мышьяная шкурка, волосами. – Привет! Мы сядем?

Девушка по имени Диль посмотрела на нас недружелюбно, и буркнула «да».

У нее на запястье красовался такой же браслет, как у меня, как у Йухиро, Макса, всех остальных, и теперь я мог видеть парящую над ним цифру «ноль» – нулевой класс, такой же новичок, только что завербована. Уши были приплюснутыми, как у боксера, а обычные волосы и круглое лицо выглядели странно рядом с ярко-желтыми глазами и серо-фиолетовой, точно лишайной кожей.

– Ешь быстрее, у нас пятнадцать минут! – заявил Макс, но замолчать и не подумал, принялся рассказывать, как он однажды на халяву пожрал в Кремле, чуть ли не со стола у президента, и что там было не так, как тут, и вообще отстой.

Я взялся за ложку.

Еда на вкус оказалась не хуже, чем на вид и запах – мясо таяло во рту, черные семечки придавали баклажанам приятную остроту, рыба не уступала дальневосточным разносолам, красные сливки были не слишком сладкими. Мне не мешали ни любопытные взгляды со всех сторон, ни треп Макса, ни то, что Диль бормотала под нос молитву, поминая «предков Гегемона» и «благословения незримые».

* * *

Поднять руку на женщину – что-то за пределами моего понимания.

Поэтому когда я вслед за Максом переступил через порог казармы, то мигом уронил рюкзак на пол и бросился туда, где между двух рядов коек творилось непотребство – крепыш с головой как бильярдный шар одной мускулистой рукой держал за шею мелкую девчонку, а другой рукой, не менее мускулистой, хлестал ее по лицу; девчонка слабо трепыхалась, царапала его по груди, но еле-еле, из последних сил. Стоявшие вокруг наблюдали – кто равнодушно, кто возмущенно, но никто не вмешивался.

– Попробуй со мной, урод! – рявкнул я, ребром ладони врезав ему по запястью.

Кисть дернуло болью, хрипящая жертва брякнулась на пол, а лысый повернулся ко мне. Удивленно блеснули алые глаза на правильном лице, я заметил, что один глаз сильно меньше другого. Ярость плеснула мне в кровь, я ощутил, как тревоги, страхи и потрясения этого дня отступают перед ее жаркой волной.

И это было приятно.

– Ты еще ктоо? – протянул он, отступая на шаг, но не из страха, а чтобы создать дистанцию.

– Новенький. Только что прибыл, – подсказали из-за спины крепыша.

Он принадлежал к тому же народу, что и пилоты, кожа его имела красный оттенок. Ростом и длиной рук превосходил меня, а двигался мягко, словно перетекал с места на место. Судя по повадкам – местный вожак, и за спиной у него собралось его шакалье. Опасен, невероятно опасен.

– Равуда, не надо, – голос Макса дрожал от страха, но крепыш поднял руку, и мой земляк смолк.

– Ты вступился за Крыыску, – сказал названный Равудой. – Ты знаа...

Я не стал ждать, когда он закончит фразу, я просто врезал ему по физиономии. Сделал ложный замах левой, а ударил правой, понимая, что если не свалю его сразу, то он меня уделает.

Я почти попал! Я даже зацепил его ухо!

Зрители ахнули, Равуда мягким движением вскользнул вбок, меня унесло вперед. Ответный удар пришелся в ребра, там захрустело, меня швырнуло на ближайшую койку. Кувырнувшись через спинку, я приложился мордой о пол, на губах ощутил мокрое и соленое.

Я ухитрился вскочить, но только для того, чтобы получить новый удар, в грудь. Боль отдалась до позвоночника, перед глазами на миг стало темно, но я качнулся вперед, сокращая дистанцию.

Бил наугад, и на этот раз попал, кулак врезался в твердое, его отбросило.

– Стоп! Хватит! – орал женский голос, но его перебивали восторженные крики и улюлюканье.

Я проморгался и обнаружил, что крепыш-Равуда спокойно ждет в паре шагов, слегка пританцовывая на месте.

– О да, да, давай... – он поманил меня на себя. – Врежь мне, волосатик.

Наверняка для него последнее слово звучало оскорблением.

Я облизал кровоточащие губы, попытался восстановить дыхание и поднял руки. Посмотрим, чье кунг-фу сильнее, и кто тут Брюс Ли, а кто наглый злобный лысый ублюдок.

В этот раз я даже не понял, что он со мной сделал, просто казарма повернулась, пол шарахнул по спине, выбивая воздух из легких. Тяжелое округлое колено вдавилось мне в грудь, и красное лицо с белой акульей усмешкой нависло надо мной, тот глаз, что поменьше, подмигнул мне.

– Теперь пооонял, кто тут глааавный? – поинтересовался Равуда и надавил коленом. – Я буду делать то, что мне нравится, а ты будешь утираться и подчиняться.

Браслет у него на запястье высвечивал тот же ноль, что и у меня, но это ничего не значило.

– Отпусти его, Равуда, – вмешался Макс. – Хватит. Он же не знал...

– Я сам решаю, когда хватит, – крепыш поднялся, и я остался на полу, точно пойманная рыба. – Но пожалуй и в самом деле достаточно. Запомни мои слова, новенький.

Он отошел, и его тут же окружили, начали хлопать по плечам – верзила едва не под потолок макушкой, судя по внешности из того же народа, что и Диль, и альбинос с кривым носом, которому по виду было лет шестнадцать. Изыщная девчонка с перьями на голове вместо волос повисла у Равуды на шее, поцеловала его в щеку.

– Ты как, ха-ха? – Макс опустился рядом со мной на корточки. – Это же Равуда... Гражданин Гегемонии, ну бывший... Отказался от гражданства и пошел в простые солдаты...

Я захрипел и кое-как ухитрился сесть, бросил взгляд на ту, кого бывший гражданин хладнокровно бил по лицу: от человека ее отличали разве что «островки» из чешуи на висках, и общая нехватка цвета, то есть серые волосы, невнятной окраски глаза, бледная кожа, но в целом – обычная недокормленная девка с лицом злым и обиженным, со слезами на щеках.

– Это Крыска, – буркнул Макс с ненавистью. – Она тащит все, что плохо лежит... Поэтому ее и бьют!

Я закрыл глаза, пытаюсь понять, не сломал ли мне Равуда чего-нибудь, и если сломал, то что. Но нет, я заполучил несколько синяков, разбитые губы, общую помятость, и все это ради воровки-клептоманки нелюдского рода-племени.

Не зря мама с детства говорила мне, что моя горячность меня погубит!

– Пойдем, там рядом с моей есть свободная койка, – Макс подsunул руку мне подмышку, захряхтел. – Как сказал Наполеон – лучше сидеть, чем стоять, и лучше лежать, чем сидеть, ха-ха... Я воды принесу, и рюкзак я твой прихватил, не беспокойся.

Койка оказалась самой дальней от двери, в углу, куда селили изгоев и отщепенцев.

Я со стоном повалился на нее, Макс пробормотал что-то, прозвучали его удаляющиеся шаги.

– Как же ты так? – сказал рядом мягкий голос. – Мило влип в первый же день.

Около койки обнаружился серокожий чувак с ушами, как у мастера Йоды из «Звездных войн», и со странными руками – точно переломанными выше запястий.

– Меня зовут Янелъм, – сообщил он, приложил одну из конечностей к сердцу, и я понял, что на ней не два сустава, как у людей, а три. – Как вышло, что попал в эту засаду?

Только отбитой головой можно объяснить, что я ему ответил:

– Маленькая дочь болеет сильно, денег много нужно.

– Грустно, сочувствую, – он вроде бы и правда сопереживал, но голос оставался равнодушным, как и глаза – хотя кто знает, какая у этого нелюдя должна быть мимика.

– А мы вообще где? – спросил я, ощупывая лицо: ничего, нос цел, зубы на месте. – Почему тут окон нет?

Тут уж он вылупился на меня.

– Добро пожаловать на ударный линкор «Гнев Гегемонии». Окон тут не бывает. Стенки, – он постукал кулаком по серой металлической поверхности. – А там пустота. Звезды, планеты, космос... понимаешь?

Челюсть моя сильно болела после удара об пол, и только это помешало ей отвиснуть до пупка.

Глава 4

Разложенная передо мной груда хлама именовалась «снаряжением легкого пехотинца», и взирал я на нее без особого энтузиазма.

– Начнем, – сказал Йухиро, проводивший первое занятие в оружейной комнате. – Предметы будем изучать согласно уставу.

Я уже знал, что десятник вовсе не командует десятком, что на центурию из ста двадцати человек их шестеро, и что все звания в армии Гегемонии традиционные, древние. Центурия вместе с еще пятью образовывала манипул, три манипула составляли когорт, и таких когорт на борту линкора было четыре.

Кроме Йухиро успел повидать другого десятника, такого же альбиноса, как дружок Равуды – похоже, из того же народа.

Помимо легкой пехоты вроде нас, наемников, имелась тяжелая, ударная пехота из профессионалов – одна когорта, имелась авиация, имелась бронетехника, а сам линкор обеспечивал артиллерийскую поддержку. Наверняка он щеголял такими системами вооружения, которых я, дикий земной варвар, не мог даже представить.

Но то, что нам выдали сегодня, и что нам предстояло освоить... дело швах.

– Шлем! – Йухиро поднял указанный предмет, так что рукав задрался, и стал виден черно-алый шнур, обвивавший бицепс десятника.

Макс мне рассказал, что Йухиро из народа гирванов, что они давние союзники Гегемонии, и что у них своя религия, о которой мало что известно, но что там на алтарях льют кровь и убивают разумных в честь свирепых богов. Поверить этому болтуну – себя не уважать, да и десятник вел себя смирно, но я решил относиться с нему с опаской.

Береженого бог бережет.

Шлем оказался вроде нашего мотоциклетного, на лбу красовался уже хорошо знакомый мне кулак в огне – герб «Гнева Гегемонии». Имелось откидное забрало – прицельное, как сообщил нам Йухиро, и мое еле держалось на хлипком креплении.

– Типа хрень? – раздраженно пробормотал тот верзила, что хлопал по плечу Равуду после драки.

Фул, чудовищно огромный, чудовищно сильный и чудовищно тупой сородич Диль. Представитель расы вилидаро, которые в мире Гегемонии что-то вроде наших таджиков – живут просто, ездят на более развитые планеты, чтобы мести улицы, строить дома и зашибать деньги.

Фулу повезло еще меньше, чем мне – его забрало вообще висело на соплях.

– Надеть шлем! – велел Йухиро.

Тот оказался легче, чем я думал, и сидел удобно, вот только подбородочное крепление оказалось сломано – а если его не застегнуть, то эта штука свалится на ходу, и останусь я с голой башкой. Все как у нас – новое снаряжение разворовали, а выдали бойцам всякое старье, которое не жаль списать.

– Бронезащита! – возвестил десятник.

Эта штука напоминала бронежилет, вот только застегивалась не только на плечах и боках, а еще и в паху, и защищала от горла до самых причиндалов. Мягкая подкладка кое-где была разорвана, из толстой ткани выпирали темно-серые пластины – нужно ставить на место и зашивать.

На сердце у меня стало совсем-совсем муторно.

Автомат ничуть не напоминал более-менее знакомый «Калаш», кусок рельсы с рукояткой и плечевым упором, в рукоятку вставляются батареи и прямоугольные магазины. Стрелял он не патронами, пороха тут не знали, плевался коническими пулями.

– Не вздумайте пробовать сейчас, Очищающее Пламя с вами! – предупредил Йухиро. – Впереди ждет стрельбище – там и прицел настроим, и по мишеням постреляем.

Меня замутило – к огромности линкора я привыкнуть не мог, как и к тому, что этот остров из металла со страшной скоростью несется через космос.

– Пояс! – продолжал десятник.

Ну тут все просто – подsumки, местами потертости, но все в целости.

Зато «полевые ботинки» оказались сложным устройством, хотя выглядели как берцы, только зеленые – обжимаются по ноге, внутри система климат-контроля, чтобы ласты не потели, а еще экзоскелетные усилители, чтобы боец Гегемонии мог шагать час за часом, и не уставать. Я надел свои, и ощутил как они мягко, но уверенно обхватили мои ступни и лодыжки, сделал шаг, и тот получился легким, пружинистым.

– Они часто ломаются, – остудил мой энтузиазм Йухиро. – Усилители первыми. Отказывает один, если душа ваша недостаточно чиста, и тогда второй нужно отключать... вот тут, на пятке, есть сенсор... пробуйте... отрубите правый...

Я попробовал, сделал шаг, и едва не кувырнулся – показалось, что ноги разной длины, да еще и весят по-разному. Позади меня кто-то выругался, за первым ругательством последовали другие, некоторые были заковыристыми, и переводчик старался как мог – да, ощущение никому не понравилось.

– Маскировочная сеть, – Йухиро поднял над головой нечто вроде рыболовной сети с нашитыми на нее елочными лапами. – Создает искажающее поле, которое препятствует обнаружению бойца как визуальными, так и техническими средствами... Всегда сломана.

Он накинул сеть на голову, показал, как крепить, но включать не стал.

Последним в списке оказался рюкзак, обычный армейский, без сюрпризов.

– Вопросы есть? – спросил десятник.

Я поднял руку:

– А починить это можно?

– Конечно, можно, – Йухиро обратил на меня черные пронзительные глаза. – Инструментальный шкаф там, в углу.

Оружейка напоминала обычный учебный класс, и в углу стоял большой стеллаж.

– Вы помните, что полученный опыт можете направить на прокачку пяти навыков, – продолжил десятник. – Меткость, выносливость, сила, скорость, и знание оружия... Последний вот сейчас очень бы пригодился. Кто хочет отремонтировать – вперед.

Остальные замешкались, и я оказался у инструментального шкафа первым.

При виде бутылочек с машинным маслом, плоскогубцев и остального на душе потеплело – ну, с этим я не пропаду. Понятно, что тут все тоже старое и не очень годное, но при умении и с этим можно сделать дофига.

А вот и коробки с винтами, шурупами и скобами, вот иголки и толстая нить...

Через пару минут я поменял крепление для прицельного забрала, и взялся за подбородочное. Справился со шлемом и принялся зашивать бронезащиту, с трудом пропихивая толстую иглу через плотную ткань.

А когда покончил и с этим, и поднял голову, то обнаружил рядом Макса.

– Это, хм, не поможешь? – он робко протянул мне пояс. – Застежка отваливается... Как сказала мать Тереза, ха-ха, помоги ближнему, пока он стал дальним...

– Давай, – я протянул руку.

Когда ремень оказался в руках Макса, рядом негромко звякнуло, и я удивленно вытаращился на свой браслет, над которым зажглась алая десятка, вспыхнула и тут же пропала.

– Первый опыт, поздравляю, – сказал Кентадэ, трехглазый красавчик, сородич нашего центуриона, и хлопнул меня по плечу. – А мне не поможешь, а то тут, это, рюкзак?

Я огляделся – прочие бойцы возились со своим снаряжением, и уверенный вид был только у Равуды, тот похоже знал, что делает.

– Хорошо, – сказал я. – Сейчас все сделаем.

* * *

Забрало едва не шелкнуло меня по носу, но красная точка прицела вспыхнула где надо. Я повел стволом, нацеливая оружие на центр ростовой мишени в полусотне метров.

– Огонь! – рывкнула центурион за нашими спинами.

Я дисциплинированно нажал рычажок – спусковым крючком нажать его можно было только по привычке, ведь он ничего не спускал, «рельса» в моих руках стреляла совсем не так, как земное оружие, но разборка, чистка и смазывание ей требовались, плюс всякие дополнительные манипуляции с аккумуляторами.

Точно посреди груди у мишени возникла новая дырочка.

– Неплохо для таких мешков с дерьмом, – сказала Лиргана.

Мы лежали в рядок за невысоким бруствером, а она прохаживалась сзади, и наверняка пялилась на наши ноги и задницы, я почти чувствовал кожей ее одновременно похотливый и ненавидящий взгляд. А само стрельбище хоть и находилось внутри линкора, размерами не уступало тому, что было у нас в части – дальней стены я не видел. Одновременно тут могли упражняться несколько центурий.

Зато военная подготовка в армии Гегемонии была курам на смех – минимальная физуха, такая, что даже слабак Макс с ней справлялся, и немножко возни с оружием. Умеешь наводить ствол на мишень и пользоваться прицелом, с которым управлялась бы моя дочь – все, годен в бойцы.

Удивительно, что нашелся косорукий тупица, которому это оказалось не по силам. Его отправили домой вчера, выкинули обратно на родную планету и наверняка отобрали деньги, которые он уже положил в карман.

– Новые цели! – центурион вновь повысила голос, но перед нами ничего не изменилось.

Старые, пробитые мишени остались стоять, новые и не подумали выскочить из-под земли. Опять что-то накрылось в системе управления, или оператор из бортовой obsługi заснул на посту.

– Дерьмо! – прорычала Лиргана. – Я им собственные яйца в глотку затолкаю! Остаться на месте!

Я оглянулся, и увидел, что она несется прочь широкими шагами – ну и отлично, от начальства подальше, к кухне поближе, так пять месяцев и пройдет, вернусь к семье, к Юле и Сашке...

– Что ты делаешь, ради Гегемона?! – воскликнула лежавшая рядом Диль, и я обнаружил, что расположившийся за ней Равуда не просто поднялся, а еще и навел автомат на меня.

Я мог видеть под щитком забрала его лицо, красивое, правильное, губы в тонкую ниточку, и красные глаза – один в два раза больше другого. Лучше всех у нас стрелял Дю-Жхе, узкоглазый ферини, но Равуда мало ему уступал – с пяти шагов не промахнется.

Что с ним не так?

– Э, что за ботва? – я начал подниматься.

Взгляд Равуды просто кипел ненавистью, и не было сомнений – он готов стрелять.

И я не понимал, в чем дело.

Ну да, подрались мы в первый день, но это лишь недоразумение, иногда бывает. Навешал он мне знатно, синяки пока не рассосались, но драка была честной, и я обиды на него не затаил.

Между двумя мужиками такое случается, но потом – если это настоящие мужики – вопрос считается закрытым.

– Лежиини, – прошипел Равуда.

За спиной у него виднелся Фул, еще дальше переминался с ноги на ногу Молчун, тот самый хилый на вид альбинос, которого я заметил в первый день – его звали по прозвищу, как и Крыску. Вся свита нашего мускулистого красавчика, шакалы при тигре.

– Остановись, боец, – бросил из-за моей спины Аюльвао, плотный, весь покрытый белесым пухом бюдрака: он был старше всех нас, по земным меркам ему перевалило за тридцать, и он был помешан на всем военном – на оружии, уставах, тактике и стрельбе. – Нельзя наводить ствол на соратника!

– И тебя завалю, волосатик, если надо будет. О, да-да... – проговорил Равуда, но взгляда от меня не отвел, и в голосе его не было ненависти – ясно, что претензии у него только ко мне. – Но сначала тебя... и не насмерть, а в руку, в ногу, в пах... чтобы мучился. Готов?

Что делать? Этот сумасшедший меня сейчас пристрелит! Лирганы нет рядом! Йухиро отпросился на какую-то свою церемонию! А больше авторитетов для него нет!

– Ты еще в спину мне выстрели, храбрец, – сказал я, медленно подтягивая ноги.

Если что, прыгну вперед, через бруствер, глядишь он и промажет, а там суматоху заметят офицеры.

– Я... – начал Равуда, но его перебил хриплый визг.

Я аж вздрогнул, и завертел головой, пытаюсь сообразить – откуда этот дикий звук?

Высокая, фигуристая девка, чьего имени я не запомнил, хотя мы вроде знакомились, каталась по земле и лупила по ней кулаками. Глаза ее бешено вращались, изо рта шла кровавая пена, и словно пузыри в ней лопались надрывные, истошные выкрики.

– Помилуй нас Святые Предки, – сказала Диль. – Это... это же переводчик... Гегемона Силой и Светом мы сохраняем ясность разума, да пребудет он с нами вечно, приносящий Главную Жертву...

Равуда тоже уставился на бесноватую, опустил автомат.

– А что с переводчиком? – спросил я.

Вспомнился офис, кушетка, на которой мне вживляли эту штуку, и то, как паршиво я тогда себя чувствовал. Симптомы – головная боль, головокружение, ощущение, что я сразу в нескольких местах – вернулись вчера, и меня сильно напугали, но дело было вечером, перед самым отбоем, а к утру все прошло.

Но сейчас я снова напрягся.

– Ахххррррыы... – выдавила девка, и ее выгнуло дугой, в какой-то момент она встала на затылок и пятки, точно йог, а следующий момент сжалась, как эмбрион, и ее вырвало кровью.

– Он у нее плохо вжился, – пояснила Диль. – И работал странно... Она жаловалась... Боли в затылке, галлюцинации.

Тут я не просто напрягся, а похолодел – неужели меня ждет нечто подобное? Отлично – если не пристрелит вон тот красноглазый псих, то сведет с ума вросший в голову нелюдской прибор!

Хрен редьки не лучше!

Пока мы паялись на бесноватую, Аюльвао вскочил и оказался между мной и Равудой.

– Остановись, боец, – повторил он.

Равуда улыбнулся, и я не знаю, что бы он сделал дальше, если бы в этот момент не вернулась Лиргана.

– Чего замерли, куски дерьма? – прорычала она, и красная точка прицела пропала с моего забрала – все, центурион отключила наше оружие, им теперь можно только драться, как дубинкой. – Держать ее надо было, чтобы себе не повредила! Помогай, ты!

И во вскинутой руке ее блеснул шприц, полный синей жидкости.

* * *

Святылища для поклонения Гегемону и его предкам располагались на каждой из палуб. Ходить туда никто не заставлял, за непосещение не наказывал, баллов опыта за визит не давали, и все же многие таскались туда дважды в день, утром и вечером – кто отдохнуть от казармы, кто и вправду помолиться.

Как-то пошел и я, из любопытства.

Святылище оказалось не одним помещением, а целым комплексом – круглый зал, окруженный колоннами, и куча таких же круглых молелен, только поменьше, словно лепестки вокруг соцветия. В центральном зале обнаружилась громадная статуя нынешнего Гегемона из черного камня, в комнатах стояли изваяния его предшественников, и я вытаращил глаза, обнаружив среди них женщин.

Правили государством, что раскинулось на сотни звездных систем, кайтериты, краснокожие и красноглазые родичи моего «друга» Равуды, и они же основали эту империю пятьсот тринадцать лет назад. Храмы они украшали не только статуями, стены покрывала резьба – сплошь битвы, огромные корабли, горящие планеты, стоящие на коленях враги, похожие на смесь осьминогов с лошадьми; там, где не было резьбы, висели полотнища тяжелой ткани, золотой и алой, пахло всюду пылью, затхлостью и горелыми веревками.

Явился я поздно, народу в храме почти не было, всюду царил полумрак, перед статуями колыхались синеватые огоньки масляных лампадок – их ставят, как у нас свечи, когда просят чего-то, а просить у обожествленных правителей может кто угодно, даже варвар, только что ставший солдатом.

– Привет, – сказали из-за колонны, когда я собрался заглянуть в молельню, посвященную Первому Предку, основателю Гегемонии.

Я невольно вздрогнул.

Невысокая фигура подошла ближе, и я с удивлением обнаружил, что это Крыска: волосы растрепаны, глаза в сторону, как обычно.

– Привет. Чего тебе? – спросил я.

– Это, отблагодарить, – она причмокнула и втянула голову в плечи, словно ожидала удара. – Ты вступился за меня... – новое причмокивание и вороватый взгляд мне в лицо. – Спасибо.

– Не надо, зачем... – забормотал я.

Но она с неожиданной решительностью схватила меня за локоть и потащила в комнату Первого Предка, где не было никого. Через миг меня прижали спиной к холодной стене, и горячая твердая ладошка ее оказалась у меня в паху.

Я дернулся снова, хотел оттолкнуть ее, но проклятое тело ответило... десять дней у меня не было женщины!

– Ты уверена? – прохрипел я.

– О да, еще как... – она с шумом втянула воздух.

Прости меня, Юля...

И я вцепился в Крыску, точно утопающий в спасательный круг – грудь ее оказалась маленькой и твердой, а повыше ягодиц я нашупал крохотный хвостик, что растет у всех шавванов, и от прикосновения к этакой экзотике меня едва не заколотило. Она задышала чаще, скользнула вниз, обдав мою грудь горячим дыханием.

Штаны Крыска сдернула одним движением, за ними последовали трусы, и я ощутил ее язык, шершавый и мокрый.

– Ооо... – простонал я, закрывая глаза.

Она старалась на совесть, и судя по всему, у шавванов-мужиков все устроено так же, как у нас. И в этот момент я был очень рад, что в армию Гегемонии, по крайней мере в легкую пехоту, берут и женщин тоже.

Неприятный звук прошелся по моим ушам словно терка – легкие шаги.

Я открыл глаза как раз вовремя, чтобы обнаружить шагнувшую через порог Лиргану.

– Это еще что? – недоверчиво спросила она.

Крыска шарахнулась назад, шлепнулась на задницу, и мое возбужденное достоинство осталось болтаться в воздухе – центурион явилась в самый «подходящий» момент, чтобы ее черти в пекло взяли. Я сделал попытку прикрыться, но затем отвел руки в стороны и вздернул подбородок – если хочет, то пусть пялится, мне нечего скрывать.

– Он меня заставил! – пропищала Крыска, причмокивая и с шумом втягивая воздух. – Сказал, что избыет!

От неожиданности я даже забыл, что стою со спущенными штанами перед командиром – вот тварь, сама меня сюда затащила, схватила за все места, раздела, а теперь врет, точно депутат госдумы!

– Да ты... я... – слова в голове смешались в кашу.

– Не воняй! – оборвала меня Лиргана. – Так, ты дуй в казарму, а с ним я разберусь. Напичканный дерьмом похотливый уродец...

Она даже не стала ждать, пока Крыска выскочит из молельни.

– Да она сама! – рывкнул я.

– Молчать, рядовой! – Лиргана шагнула ближе, рука ее конвульсивно дернулась, и я подумал – она ведь хочет схватить меня за причинное место, либо довести дело до конца, либо оторвать нахрен: в голубых глазах ее полыхала смесь ненависти и вожделения. – Штаны на место!

Я торопливо выполнил приказ.

– Итак, что у нас есть, – центурион, похоже, справилась с собственными эмоциями. – Попытка изнасилования, совершенная в месте поклонения Гегемону и Святым Предкам Его... Особо циничное преступление, и должно караться разрывом договора и возвращением аванса, – она цедила слова, а я с каждой фразой съеживался все сильнее.

– Нет, не надо... Я не могу! Пожалуйста... Она и правду сама! – забормотал я.

Разрыв договора означает смерть Сашки! И все из-за развратной воровки!

– Я могу в это поверить, – Лиргана оглядела меня с головы до ног. – Не воняй. Шавванская подстилка дает всем, кто может ей чем-то помочь, ты у нее не первый, не лъсти себе.

«Вот тварь!» – подумал я второй раз.

– Но наказать я тебя обязана... – тут центурион сделала паузу, и у меня мелькнула мысль, что прямо тут она меня и «накажет», скинет шмотки, привяжет меня, вооружится кнутом, ножами... и здравствуй, БДСМ-порно. – Поэтому завтра наряд. В горячей зоне.

Я сглотнул, в горле пересохло, а в животе стало холодно – это же приговор.

«Горячая зона» вокруг двигателя линкора слыла местом жутким, наводить там порядок отправляли штрафников, и не все, судя по рассказам, возвращались, а иные возвращались без глаз, рук, ног или разума.

– И не спорь, это приказ, – добавила Лиргана, явно наслаждаясь моим испугом. – Если везучий, то выживешь.

Глава 5

Нас, штрафников, в тот день оказалось пятеро, и на инструктаж нас собрали в комнатехе с голыми стенами, где кроме этих стен, круглого люка, имелся только стеллаж с противогазами и синими баллонами разного размера.

– Значит, так, – сказал техник в черной форме, показывая нам один из баллонов – нечто вроде огнетушителя с ремнями, чтобы вешать за спину, трубка и раструб на конце. – Это растворитель. Ваша задача – обойти свой участок, найти на нем все наросты и полить из растворителя, чтобы они растворились. Понятно?

– А там правда опасно? – спросил стоявший рядом со мной круглолицый парень.

Техник посмотрел на него как на идиота:

– Прорывы ядовитого газа, шумовые выбросы, выхлопы, проседание конструкций там, где их проело наростами – этого мало тебе, что ли?

Круглолицый увял, да и у меня задрожали поджилки.

Я первым получил снаряжение, координаты отданного мне участка, и пролез в люк. Позади осталась запиравшая его крышка в метр толщиной, я оказался в тесном коридоре, стены которого состояли из множества натканных под разными углами пластин вроде компьютерных плат, черно-серебристых и зелено-золотых, от взгляда на которые болели глаза.

Я спустился на свой уровень, и тут же обнаружил нарост – черный сталактит в метр высоты и метр толщиной у основания, торчащий из пола. Нажал на спуск растворителя, из труба зашуршала струя фиолетового газа, и сталактит начал оседать – типа ускоренной съемки сугроба на теплом солнышке. Через пару минут осталась грязная лужа, и я даже через фильтры противогаза ощутил сладковатую вонь.

Сделал шаг дальше по коридору, и тут стена из микросхем справа впереди раскололась, из нее вырвался столб пара. Горячим ударило в лицо, обожгло руки, я отскочил, не удержался на ногах, громыхнул закрепленным на спине баллоном о пол.

Пока вставал, стена вновь стала монолитной, пар исчез.

– Дело швах, – пробормотал я, вставая.

Понятно, зачем сюда отправляют штрафников из свежих наемников – их не жалко, если чего.

Сердце лупило как бешеное, пот тек по спине и по лицу под противогазом, я шагал то медленно, то двигался перебежками – черт знает, откуда придет новая опасность. Поливал черные сталактиты, которые попадались время от времени, то и дело пугливо оглядывался. Новых выхлопов не было, зато пару раз слышал рев шумовых выбросов издалека – если попадешь под такой, то кровь из ушей и мозги превратятся в кашу.

Противогаз в этом случае как перочинный ножик против носорога.

В одном месте по стеночке обошел неровную дыру, из которой торчали провода и шел серый дым. А когда оказался на безопасном месте, из-под подошвы раздался писк, я заорал благим матом и подскочил едва не до потолка.

Из-за резиновой хрени на лице пришлось вытянуть шею, чтобы посмотреть вниз.

На полу сидел один из мелких зверьков, которых на линкоре считали паразитами. Напоминал он кота, только лап было не четыре, а шесть, сам цвета кофе с молоком, и настороженно блестели из густого меха черные глаза.

– Тихо, – сказал я. – Ты же не кусаешься?

Зверек пошевелил круглыми «антеннами» на стебельках, заменявшими ему уши, дернул хвостом, на конце которого красовалась присоска. Когда он открыл рот, то выяснилось – внутри множество игольно-острых зубов, черных, как местный сталактит.

Кусается, да еще как.

Негромко хрюкнув, зверек порскнул мне под ноги – собрался он туда, откуда я только что явился. Зацепился боком за мой ботинок, я от неожиданности дернулся, оперся рукой о колючую горячую стену.

Писк раздался снова, на этот раз истошный, полный боли.

Чтобы разглядеть, что творится, мне пришлось развернуться, а с баллоном на спине, да в узком проходе это не так просто. Зверек то ли не рассчитал, то ли столкновение со мной сбilo его с курса, но он влетел прямо в дыру, и теперь висел на ее краю, уцепившись за него лапой, и дергался, силясь подтянуться; серый дым обтекал его, и от прикосновений этой дряни кофейный мех чернел, словно обугливался.

Наверняка это было не очень приятно, в глазах зверька стояло мучение.

Я бросился на помощь, не задумываясь, ударился коленом об пол и подхватил почти невесомое тельце. Серый дым обжег руку, будто кипяток, даже через перчатку, и я зашипел через сжатые зубы.

Но через мгновение стоял на безопасном расстоянии от дыры, и зверек слабо шевелился у меня на ладони. Я ощущал, как бьется его сердце, видел, что розовые присоски есть не только на хвосте, но и на лапах – там в компании острых когтей – озадаченное выражение на морде, золотые треугольные зрачки в черных провалах глаз.

– Я бы на твоём месте опустил его на пол, – сказали басом у меня из-за спины. – Укусит – мало не покажется, а ранку от зубов лечить – непростое дело.

Зверек дернулся, оскалился, и я торопливо присел, повернул ладонь, чтобы он съехал на пол. Спасенный несколько мгновений недоверчиво созерцал меня, а потом хрюкнул, хотелось верить, что благодарно, и рванул прочь – по стене, по потолку, за угол, с такой скоростью, что только пушистый хвост мелькнул.

Я повернулся.

На меня добродушно смотрел пузатый дядька лет пятидесяти, без противогаза, даже без респиратора, и браслет на его запястье показывал невероятные «пятьдесят семь». К этому времени я умел читать не только класс, но и всякие символы, и видел, что передо мной центурион из экипажа, да еще и гражданин!

Рука моя непроизвольно дернулась.

– Честь можешь не отдавать, – сказал он. – И сними это с лица, тут безопасно. Посмотрел я, как ты работаешь, и мне понравилось...

Я стащил противогаз, глотнул отдающего горелым пластиком и серой воздуха. Понял к этому моменту, что дядька – шавван, что на висках у него островки чешуи, как у Крыски, волосы белые и редкие, и кожа цвета мела.

– ...тщательно и аккуратно, ни одного нароста не пропустил, – продолжал он, поглаживая себя по округлому брюшку. – Меня зовут сержант-техник Диррг. Рад встрече, – и он протянул широкую мозолистую ладонь.

– И я рад, – я назвал, мы обменялись рукопожатиями.

– За хорошую работу полагается награда, – сержант-техник извлек из сумочки на поясе лиловую плоскую таблетку. – Вам еще не выдают пока, только с первого класса... Расслабон. Пробуй. На язык.

Я заколебался – да, в армии я курил, как все, потом бросил, а этот расслабон наверняка местная легкая наркота вроде табака. Но решил, что обижать Диррга не стоит, и сунул таблетку в рот – по языку растеклась сладость, а в следующий миг на меня обрушилась лавина вкусовых ощущений.

Вспомнился шашлык, который мы некогда делали с друзьями – сочная свинина с дымком буквально тает во рту, ты ощущаешь каждую прожилочку в мясе, похрустывает на зубах немного подгоревший лук, и тут же овощи на гриле, пряные, да еще если макать их в соус собственного изготовления по мамину рецепту, с тмином и кардамоном; а за свиной кури-

ные крылышки, острые, жирные, такие нежные, что можно лопать прямо с костями, и семга в фольге, которую проглатываешь в один присест, такая она вкусная. Показалось, что я там, на берегу реки в солнечный летний день, и что в рот потечет дешевое кубанское вино, которое тогда казалось нектаром богов.

Продлилось это несколько мгновений, а потом я вернулся в коридор горячей зоны, где было жарко и воняло как в аду, а на каждом шагу поджидала опасность. Таблетка на языке растворилась, ослабла боль в ушибленной коленке, сил ощутимо прибавилось, я понял, что готов к труду и обороне, как юный пионер.

Это будет лучше табака.

– Часто жрать расслабон не стоит, но иногда можно, – Диррг весело подмигнул. – Клянусь седалищем Гегемона. Бывай, Егор. Продолжай в том же духе, и мы увидимся.

И он утопал прочь.

* * *

Очередь к врачу, приписанному к нашей когорте, состояла из двух идиотов-самострельщиков и меня. С идиотами доктор-шавван разобрался быстро, поменял им повязки, а затем с некоторым удивлением на бледной физиономии пригласил меня в кабинет.

Пахло там, как положено, лекарствами, да так, что в носу у меня зачесалось.

– Что у тебя? – спросил он, разглядывая уже мою физиономию, с которой еще не сошли синяки после драки.

– Такая ботва... – я замялся.

Вчера прибор, вшитый мне в затылок, снова показал себя, да так, что я едва не обделался. Я перестал понимать, что мне говорят, и на несколько минут словно выпал из этого мира, хотя сознания не потерял.

Врач выслушал меня, потер шею, и я обнаружил, что у него на ней татуировка – когтистые пальцы, три штуки, как у птицы... где-то я видел такую совсем недавно, но вот где и когда?

– Понятное дело, – сказал доктор. – Увы, такое бывает. Придется тебя списать.

– Э, я не хочу! – воскликнул я. – Это же разрыв договора? Домой и деньги назад? Лучше вылечите меня!

– Вылечить? – он горько рассмеялся. – Тут не дворец Гегемона, и у меня нет под рукой Сферы Чистоты! То, что нам дают, годится только для ран, отравлений, простуды, – врач махнул в сторону застекленного шкафа, на полках которой виднелись пузырьки, тюбики и коробочки; понятно, классическая армейская медицина – все лечим зеленкой, а когда она не помогает, то пускаем в дело клистир. – Так что поедешь домой...

– Ноя нмогу! – я вскочил. – Давте явам ничегоне говрил!

Вдруг обойдется, вдруг со мной не произойдет то, что с той девкой на стрельбище? Поглотит поглотит гнусный переводчик, да и заработает нормально – так со всяким оборудованием бывает.

– Поздно, визит уже занесен в журнал...

– Нопусть это будет понос! – я буквально упал на колени, сложил руки перед грудью; от нервяка пальцы мои похолодели, и даже начал подергиваться уголок правого глаза. – Или сифилис! Чтоугдно!

Нет, я не могу вернуться вот так, не солоно хлебавши, и смотреть, как Сашка умирает, или как Юля ложится под нож, чтобы добыть эти деньги, которые я не смог заработать...

Врач снова потер шею, и я вспомнил, где видел такую же в точности картинку! Иван, мой неожиданный родственник, щеголял ей на дне рождения у братца... всего ничего, а кажется, что тысячу лет назад! Но Иван же на Земле, а мы в Гегемонии, и как?..

Додумать мысль я не смог.

– А если ты завтра потеряешь рассудок или вовсе помрешь? – спросил доктор, и я обратил внимание, что у него чешуя не только на висках, но и на переносице, и на тыльной стороне ладоней. – Нет, с меня не спросят, но у меня же совесть есть, я же врач! Поэтому отправляйся-ка ты...

Я буквально застонал, хоть негромко, но отчаянно, укусил себя за кулак.

– Вы ж губите меня! – выдавил я.

– Наоборот, спасаю, – он подтянул к себе клавиатуру, плоскую, как блин, и над столом развернулся мерцающий экран.

– Нет, нет... – шептал я, глядя, как пальцы доктора порхают над невидимыми клавишами, а потом неожиданно выпалил. – А у моего дядьки такая же татуировка есть.

Пальцы замерли, врач посмотрел на меня, в бесцветных, как у всех шавванов, глазах я увидел сомнение.

– Да? – спросил он.

– Только на руке, – добавил я, радуясь, что он остановился, перестал заносить в личное дело или еще куда текст, что станет приговором для моей дочери. – Вот тут вот. Иван зовут его... Морщинистый такой, седой...

Я был готов нести любую чушь, лишь бы он ничего не писал больше, а еще лучше – стер то, что уже написал, выпустил меня отсюда и вообще забыл о моем визите и моем существовании.

– Ну раз так... – доктор в третий раз погладил татуировку, словно она была живой и отзывалась на прикосновения. – Тогда я попробую тебе помочь... Зафиксируем ушибы. Гематомы на лице, а так у меня найдется кое-что, что может тебе помочь, а может и нет. Ничего не гарантирую!

Я выдохнул так, что едва не сдул со стола плоскую клавиатуру, и с радостным удивлением смотрел, как он роется у себя в шкафчике. Через пару минут мне, уже снова сидящему на стуле, достался пузырек с желтыми круглыми таблетками вроде советских витаминки.

– Принимать по одной утром. Каждый день, – распорядился доктор. – И чтоб никто! Никто не узнал об этом. Сейчас подожди, я все оформлю, чтобы ко мне не придрались... Так... – и он вернулся к клавиатуре.

– Дело железное, вообще без проблем, – пообещал я. – А что такое Сфера Чистоты?

– Так называют семнадцать предметов, с помощью которых Гегемон поддерживает себя в добром здравии, – рассеянно сообщил врач. – Вместе они заняли бы эту комнату. Тебе бы пригодился Сияющий Обруч, который по слухам лечит какие угодно болезни...

И не только мне, а Сашке тоже.

Осталось немного – добраться до местного императора-Гегемона, и попросить у него эту штуку взаймы, а еще инструкцию, как предметом воспользоваться, чтобы вылечить смертельно больную девочку трех лет.

* * *

– О боже, какой мужчина, я хочу от тебя сына! Я хочу от тебе дочку! И точка! Точка! – прилежно выводил Макс со своей койки, а я думал, когда же он наконец заткнется.

Нет, голос у него был нормальный, и по ушам медведь не топтался, но репертуар... дикая попса от Аллы Борисовны Пугачевой до Монеточки. Мне, как человеку, воспитанному на роке и рэпе, это радости не приносило, но нелюди обычно собирались послушать, вот и сейчас рядом топталась мрачная Диль, а Дю-Жхе, занимавший место напротив меня, сидел с блаженной улыбкой на желтой физиономии, на которой едва выделялся серый узор татуировки.

Разговорить его было сложно, но Макс справился, и мы узнали, что такую наносят охотнику, воину, настоящему мужчине.

Под кроватью у меня тихо хрюкнули, и моей свешенной руки коснулось что-то мокрое и холодное. Перевалившись на край, я обнаружил на полу зверька, которого спас в горячей зоне – черные глаза, шкура цвета кофе с молоком, и оставленные на ней серым дымом подпалины.

– Привет, – сказал я тихо, боясь его спугнуть.

В душе проклюнулась тихая радость – ого, шестилапый пришел меня проведать.

– Хр, – произнес он в ответ и улыбнулся во все сто острых черных зубов, а затем из пасти его выстрелил длинный тонкий язык, коснулся моей ладони, и я понял, чем меня тронули в первый раз.

– Кто это там? – спросил Дю-Жхе, и я понял, что он смотрит в нашу сторону.

– Это... – я помялся, и тут мне в голову пришло имя. – Это Котик.

Узкие глаза ферини расширились, он покачал головой, но тут же глянул в сторону двери, где началась суматоха. Котик зашипел, сжался, протопали по полу его лапы, и под кроватью у меня стало пусто, а на сердце грустно.

Выругавшись про себя, я сел – посмотреть, кто спугнул шерстистого гостя.

У входа в казарму стоял Йухиро, а рядом с ним – фигуристая деваха, губастая, курчавая, типичная негритянка, вот только с белой кожей, и с парой рожек в шевелюре; понятно, занга, такой же варварский народ, как и мы, люди, у мужиков у них четыре рога. Интересно, а я думал, что наша центурия укомплектована полностью, несмотря на пару свободных коек.

И при первом взгляде на эту деваху у меня внутри неожиданно сладко дрогнуло. Захотелось немедленно обнять ее, узнать, каковы на вкус ее губы, услышать, как она смеется, стонет, всхлипывает от телесного счастья.

Мне стало жарко.

– Это Юнесса, – объявил десятник, равнодушный к женской красоте. – Последняя. Теперь мы готовы к бою.

На новенькую пялился не только я – и заткнувшийся Макс, и даже Равуда приподнялся на своей койке, не обращая внимания на ревнивый взгляд своей подружки с перьями вместо волос. Еще бы – фигура как у богини разврата, при тонкой талии большая грудь и ягодички что надо, и секс, секс в каждом движении, в каждом жесте.

– Место ей покажете, – велел Йухиро, и вышел.

– Всем привет-привет, – сказала Юнесса, обводя казарму синими-синими, точно осеннее небо, глазами – за такие глаза можно и убить, и умереть.

К ней бросился Кентадэ, первый бабник центурии – иногда мне казалось, что он будет помогать и к столбу, если на том нарисовать женскую грудь.

– Добро пожаловать, прелестница! – воскликнул он, белоснежно улыбаясь. – Красота твоя подобно грому разразила мои внутренности...

Юнесса не обратила на него внимания, прошла мимо и двинулась по проходу между коек, покачивая бедрами. Кентадэ поспешил следом, бормоча околесицу, но улыбка его несколько поблекла, а в карих глазах – все трех – мелькнула обида.

– Вот это титьки! – пылко прошептал Макс, и мне захотелось удушить его подушкой.

Новенькая миновала ушастого Янельма, возившегося на одеяле со своей коллекцией странных вещей – лоскутков, кусков проволоки, ржавых ключей и осколков фарфора; этот мусор он называл «послухами», и стучая по предметам особой палочкой, извлекал неразличимые для остальных звуки. Прошла еще две койки под злобными взглядами прочих девчонок, и у меня сладко заныло не только в сердце, но и в паху – она идет ко мне, она выбрала меня.

Но тут на пути у нее очутился Равуда.

Его подруга с перьями, звали которую Пиаорани, или просто Пира, приложила ладони ко рту. Фиолетовые глаза ее, и так огромные, стали еще больше, и заняли едва не пол-лица, перья встали дыбом.

От того же Макса я знал, что эта совсем юная жевельде без ума от Гегемонии и ее граждан, что в армию пошла, чтобы стать одним из них, и без памяти влюбилась в кайтерита, показавшегося ей идеалом. А он едва не вытирал об нее ноги, и вытирал бы, если бы сумел извлечь из этого пользу или удовольствие.

– Привееет, – сказал Равуда, поигрывая мускулами. – Ты не меня иищешь?

– Может и тебя, – Юнесса смерила его взглядом, и провела по губам розовым влажным языком.

Злость полыхнула внутри с такой силой, что меня едва не подбросило.

Неужели она не видит, с кем имеет дело, не понимает, что она для него не больше чем игрушка?

– Равуда... – позвала Пира.

– Заткнись и освободи койку, – велел он, не поворачиваясь.

– Но я...

– Тебя вышвырнуть силой?

Пира зарыдала, из огромных глаз потекли слезы, перья на голове обвисли, как у мокрого попугая. Мне захотелось врезать Равуде – изо всех сил, так, чтобы разнокалиберные глаза выскочили из черепа, зубы посыпались на пол, и он шлепнулся в лужу собственной крови.

– И ноги отличные, вапще! – продолжил комментировать Макс. – Клевая какая!

Я стиснул челюсти, чтобы не рявкнуть «Заткнись!».

Пира собрала шмотки и потащилась к свободной кровати рядом с Дю-Жхе. Кентадэ, понутив голову, отправился к своему месту – ему ловить тут было нечего. Молчун и Фул, два клеврета Равуды, сноровисто притащили новый матрас и даже белье.

– Добро пожаловать, – сказал мой краснокожий «друг», и вскоре они уже сидели рядом, он, и курчавая красотка с рожками, и он обнимал ее за плечи, и шептал что-то в розовое ушко.

Зрелище было до того тягостное, что я отвернулся и улегся мордой в подушку.

– Эх, я бы вдул! – не замолкал Макс. – И не один раз, если бы дали! О, красотень! Тебе она не понравилась, что ли?

– Понравилась, – ответил я, мечтая только об одном – чтобы он провалился сквозь палубу, да еще и прихватил с собой Равуду.

Мало было мне проблем – нет, положил глаза на ту же самую девицу, что и он!

Глава 6

Проклятый разъем никак не хотел становиться на место, хотя я бился с ним час. Мешало отсутствие нормального инструмента – будь у меня чемоданчик, с которым я ездил по заказам, я бы мигом решил проблему, а тут приходилось обходиться скудным набором из оружейной комнаты.

А поскольку разъем отходил, то автомат мой отказывался стрелять через раз. Ерунда, когда это происходит на стрельбище, и дело швах, если нас все же отправят воевать, и трудности возникнут на поле боя.

В оружейку я отправился после ужина, в свободное время, и удивился, когда оказался там не один. Внутри обнаружился альбинос Молчун, возившийся со своим автоматом, а в углу сидела молодая бюдрака по имени Азини, таращила мутные глаза и время от времени открывала рот.

Явно снова пережрала расслабона, который добывала неведомо как.

– Черт, твою мать, – выругался я, разочарованно опуская руки. – Что за хренота? Отвертки нормальной и то нет!

Азини осталась сидеть как сидела, Молчун только хмыкнул.

Зато позади стеллажей зашуршало, и на потолок выбежал белоснежный сородич Котика. Тут альбинос отреагировал мгновенно, швырнул вверх магазин... и попал! Верещащий зверек шлепнулся на один из столов, Молчун ринулся к нему и одним движением свернул шею.

Меня замутило.

– Клевый приход сегодня, – протянула Азини.

Молчун с хрустом же выдрал одну из лапок, сунул в рот, и принялся жевать, слизывая с губ шерсть.

Я отвернулся, и только для того, чтобы увидеть входящего в комнату Диррга с большой сумкой через плечо.

– Вольно, – пробасил он, поскольку мы все трое отдали честь, хотя Азини сидя, а Молчун рукой с зажатым в ней кровоточащим огрызком. – Егор, оставь ты эту ерундень. Есть дело поинтереснее.

Я послушно убрал автомат на место, покидал в ящик то, что называлось тут инструментами.

– Поможешь мне отремонтировать кое-что, – сообщил сержант-техник, когда мы вышли в коридор. – Дело не очень сложное, но мне нужна парочка дополнительных рук. Лучше не кривых, клянусь седалищем Гегемона.

Позади остались казармы нашего манипула – второй манипул третьей когорты легкой пехоты. Стало ясно, что направляемся мы к лестнично-лифтовой площадке, и я ощутил прилив любопытства – за пределами нашей семнадцатой палубы я бывал только на стрельбище и в горячей зоне, а сейчас, судя по всему мне предстоит увидеть еще кусочек «Гнева Гегемонии».

Но тут дорогу нам загородила Лиргана.

– Куда это вы? – спросила она злобно. – Это мой боец.

Диррг смерил ее взглядом.

– Но ты же не будешь возражать, если я заберу его на часок и верну после отбоя, – сказал он.

– Буду! – трехглазое лицо исказилось.

– Тогда напиши рапорт трибуну, – сержант-техник равнодушно пожал плечами. – Бывай. И двинулся вперед, точно на пустое место.

Формально они не отличались по званию – оба центурионы, но у Лирганы был только двадцать седьмой класс, а у Диррга – пятьдесят седьмой, да еще и гражданство.

– Вот дерьмо, – прошипела она, когда я проходил мимо. – Я тебе еще припомню.

Вряд ли обещание относилось к сержанту-технику, и я ощутил укол тревоги. Устроит эта сучка мне проблем, еще не раз устроит, и деться мне от нее некуда, пока мне нужна эта работа.

Мы свернули к столовой, и тут Диррг неожиданно остановился.

– Между палубами можно перемещаться как все, лифтами и по лестницам, – проговорил он, глянув на меня через плечо. – Но есть и более короткие пути. Смотри...

Стены покрывали обычные пластины серого металла, но на одной красовался черный крестик – я видел такие не раз, они попадались не часто, но регулярно, и я не обращал на них внимания.

Диррг нажал на крестик, и две пластины, расположенные одна над другой, бесшумно отъехали в сторону. Открылась узкая вертикальная нора, и уходящая вверх и вниз лестница, перекладки ее блестели как лакированные.

– Технические колодцы, – сказал он. – Всегда рядом, и к оборудованию доступ.

Он первым полез вверх, я последовал за ним, и пластины за нашими спинами встали на место. Тут же сверху вспыхнула тусклая лампочка, мимо поползли увешанные трубами и пучками проводов стены.

Ступеньки были липкими и скользкими, и в колодце слабо пахло гнилью. Время от времени попадались уходящие вбок проходы, темные и такие узкие, что сержант-техник со своим пузом в них бы просто не втиснулся, освещение включалось по мере нашего передвижения и гасло внизу.

– Вот, прибыли, – сказал Диррг, когда за нашими спинами очутилась громадная цифра «19» с черным крестиком под ней – выход на палубу, что через одна над нашей. – Барахлит вентиляция... Скорее всего, один из вспомогательных насосов накрылся... Полезешь туда, а я буду тут их отключать по одному. Держи.

Сумка, которую он мне вручил, оказалась набита сокровищами – плоскогубцы, кусачки, маленькая дрель и разводной ключ, молотки, долото, стамески, напильники, шило, мотки изо-ленты, разные шурупы и винты в аккуратных отделениях, застегнутых, но с прозрачными кла-панам, чтобы было видно, где что. Пока я это разглядывал и обливался слезами радости, сержант-техник отковырнул небольшую крышку в стене, и активировал спрятанную под ней панель управления.

Следующий час я лазил по узким пыльным коробам, выискивая источник проблем, и обнаружил таких аж два – забитый мусором вентилятор, который просто не мог вращаться, и накрывшийся электромотор в одном из насосов, электромотор самой обычной конструкции. Когда вернулся к Дирргу, мелодичное звяканье возвестило, что мне «на счет» брякнуло еще двадцать баллов опыта.

– Когда будешь распределять, то не забудь на знание оружия потратиться, – посоветовал сержант-техник. – Все на меткость да выносливость напирают, ну и дураки. Тебе же сам Геге-мон велел.

– Ага, – буркнул я.

Я пока не очень понимал – как работает система; что, если я кину эти самые баллы на «силу», то стану могучим, как Фул, а если на «меткость», то обстреляю Дю-Жхе? Да и опыта у меня было маловато, всего сорок семь единиц, а распределять можно будет, когда наберешь сотню; а для первого нормального класса требуется полная тысяча.

Сидя на линкоре, не скоро доберешься, но если верить Йухиро, то в боях опыт растет быстро... только нужны мне эти бои как мертвому припарки.

– И за хорошую работу тебе подарок, – продолжил Диррг. – У меня завалилось.

И он вручил мне набор отверток в кожаном чехле – крестовые, обычные, с удобными рукоятками, с магнитными кончиками, чтобы винтики прилипали и не падали.

– Спасибо, супер! – воскликнул я, думая, что все это не просто так, что сержанту-технику от меня что-то нужно.

Вот только что? Пока совсем непонятно...

* * *

Я думал, что с домом буду разговаривать в специальном переговорном пункте, но все вышло не так.

С утра на построении нам объявили, что сегодня можно будет пообщаться с родными, а под сеанс связи выделили оружейку. Я удивился, но это чувство сменила радость – услышу голос Юли, по которой я ужасно соскучился, узнаю, как дела у Сашки. Вытянули жребий – кому какое время, и мне достался первый сеанс, сразу после завтрака.

Возвращаясь из столовки, я обнаружил, что в коридоре стоит необычный запах – горячий песок, бензин, соленые огурцы.

– Это вонь тиззгха, – пробормотал шагавший впереди Янельм, и уши его беспокойно зашевелились.

– Это нелюди, которые связь обеспечивают, ха-ха, – пояснил Макс. – Аутсорс. Технологии этой у Гегемонии нет, вот она их и нанимает, они через портал приходят, и оборудование с собой приносят... Как сказал Будда – если нет слона, то согонится и осел.

В оружейку я вступил с тяжело бьющимся сердцем – предвкушение, волнение, радость, опаска. Меня окутала смесь все тех же запахов, такая густая, что глаза заслезились, а в носу появилась резь.

– Пррроххходи, человввек, – выдавила крохотная, мне по пояс, фигура в чешуйчатом зеленом плаще с капюшоном; одеяние скрывало все, лицо, руки, ноги, если эти части организма у этого существа были; голос его звучал механически, неестественно. – Вот сссюдда.

На дальнем от входа столе располагалась груда пульсирующей слизистой плоти – кольца, как у свернувшейся в клубок огромной змеи, или ярко окрашенные пятнистые щупальца, ни головы ни хвоста. И сбоку торчала на стебельке телефонная трубка прямиком из двадцатого века, похожая на толстую дверную ручку.

Отвращение заставило меня отшатнуться.

– Не ббойссся, – из-под зеленой чешуи донеслось хриплое карканье – смех, что ли? – Оно не куссается.

– Я не боюсь, – соврал я. – Как говорить-то?

– Пррриложи это к ухххху.

Желтые таблетки, прописанные доктором, я принимал каждое утро, и переводчик работал нормально – никаких галлюцинаций, болей или кружений в голове, и всегда все понятно, даже сейчас, когда передо мной не человекоподобный товарищ по оружию, а нечто явно негуманоидное. Даже Макс не знал, как выглядят эти самые тиззгха, и по его словам, облик этих существ оставался загадкой для всех; ходили слухи, что это сухопутные раки, что нечто вроде гномов из фэнтези или вовсе невообразимо огромные создания, умеющие создавать крохотные трехмерные проекции самих себя и отправлять их в наш мир.

Я взял «трубку», и обнаружил, что она горячая, под моей ладонью сократились мускулы. Мгновение поколебался, затем приложил к уху, и через мгновение забыл, где нахожусь, поскольку услышал голос Юли – немного усталый, но родной, знакомый до последнего обертона.

– Привет, Егор, – сказала она. – Как ты там?

– Жив, здоров, сыт и не мерзну, – выпалил я, ощущая, как по телу расползается приятное тепло: боже, как я ее люблю, как я хочу вернуться, и как только могу без нее? – Привет. Вы как?

– Ну так... – она помялась немного, и начала рассказывать.

Сашка в больнице, ее обследуют, все по плану, состояние пока стабильное, настроение не очень, папу вспоминает часто и все время спрашивает, когда же он вернется, обнимет ее и читает сказку на ночь.

Горло у меня сдавило – каждый вечер я доставал из тумбочки плюшевого пингвинчика и смотрел на него, думая о дочери.

Эх, если бы я мог вернуться! Хотя что мне мешает? Договор разорвать несложно. Шагнуть в портал еще проще, и вот я уже в офисе ООО «Гегемония», а оттуда пятнадцать минут на такси.

Да только в этом случае уже через год мне некому будет читать сказки на ночь.

– Сама понимаешь, что я не могу, – уныло проговорил я. – Дело такое.

– Эх, ты... – сказала Юля. – Я понимаю. Расскажи хоть, что у тебя там? Ты где?

И тут я впал в ступор – если сообщить, что на линкоре могучей межзвездной империи я мчусь через космос, направляясь на войну непонятно с кем, то жена моя решит, что я свихнулся или наглотался какой наркоты. Не зря тогда дядечка в офисе сказал, что не может поведать мне о характере работы, что я не поверю.

– Пока все нормально, опасности нет, – я постарался, чтобы голос мой звучал бодро, но сам поежился от прозвучавшей в нем фальши: нет, как же, хотя тут и Равуда, наводящий на меня автомат, и горячая зона, куда я вновь могу попасть, и не отделаться так легко, и сумасшедшая Лиргана. – Надеюсь, что так и дальше будет... Это что-то... Большая частная военная компания.

– Но ты им зачем? – удивилась Юля.

– Служил же. Нас готовят... – я хотел рассказать о стрельбище, о негодном оружии, о знакомстве с Дирргом и о том, что встретил тут земляка, правда из Москвы, но тут в трубке раздался треск и она задергалась у меня в руке.

Я открыл глаза и возмущенно глянул на тиззгха.

– Человвек, не вссе можжно говорррить, – сообщил он, раскачиваясь под плащом вперед-назад, будто готовая к атаке кобра.

И тут цензура!

– Але, але! Ты где? – прорезался на линии встревоженный голос Юли.

– Здесь, – сказал я. – Нас учат с утра до ночи. Но кормят хорошо, и не мучают. Народ разный, но в целом нормально... – я старался выбирать общие слова, чтобы меня не стали глушить снова, а о том, что у нас тут есть девчонки, решил вообще не говорить – жена у меня не ревнивая, ревнивая давно бы надавала мне по морде и бросила, но зачем ее нервировать. – Передай ангелочку, что я сильно-сильно ее люблю, и что скоро приеду, и что она будет здорова.

– Хорошо, передам. Мама твоя в порядке, я каждый день ей звоню...

Да, в следующий раз надо будет попросить о двойном сеансе связи, вдруг дадут.

– Врррремя! – объявил тиззгха, и я глянул на него с ненавистью – было же десять минут, неужели я их уже потратил.

– Сеанс кончается! – выпалил я. – Я тебя очень-очень люблю!

– И я те... – Юлю обрезали на полуслове, и трубка вывернулась у меня из руки.

Опустив голову, я поплелся к двери.

* * *

Сухпай в Гегемонии фасовали в упаковки из материала, похожего на фольгу, но куда более прочного. Знакомились мы с этим полезным объектом из солдатского багажа в оружейке, а наставлял нас, как обычно, Йухиро.

– Откройте, – велел десятник. – По одной штуке сегодня можно уничтожить.

Я аккуратно дернул за полоску с надписью «Тянуть сюда» и стрелочкой для идиотов. Фольга с хрустом разошлась, и я высыпал на стол кучу упаковок разного размера и конфигурации – бутылочка на треть литра, несколько плиток вроде шоколада, что-то круглое, и все в той же упаковке.

Шоколада я не нашел, его заменяла прессованная смесь орехов и вяленых ягод типа изюма – уголок я откусил с опаской, а потом схрумкал плитку целиком и потянулся за следующей. Подсушенное мясо заставило меня вспомнить о пиве, хотя я к алкоголю не очень, и пью редко, сыр оказался почти земным, только не желтым, а нежно-салатовым.

В бутылочке обнаружилась витаминная смесь, терпкая, словно терновник, и отлично утоляющая жажду.

– Мням-мням, ха-ха, – сказал Макс, который расправился с сухпаем раньше меня. – Обед дадут сегодня, интересно, или это все?

– Все бы тебе жрать, – укорил я его.

Он насупился, изображая обиду, но тут же заулыбался:

– А знаешь, почему пиво выходит быстрее, чем молоко? Ему цвет менять не надо! Ха-ха! Клево же, да!

В своей хипстерской тусовке он наверняка был чемпионом по бородатым шуткам.

– А теперь... – начал Йухиро, но довести фразу до конца не успел, поскольку дверь оружейки с грохотом распахнулась, и на пороге возникла Лиргана в шлеме, бронезащите и полевых ботинках.

– Построение в полной выкладке через десять минут! – рявкнула она, скалясь. – Желющие наложить дерьма в штаны – делайте это сейчас, поскольку нас ждет бой! Бегооом!!

Страх вцепился в живот, словно бешеный пес, кишки скрутились в тяжелый холодный узел. «Как так? – хотелось закричать мне. – Нас же всего две недели обучают! Обещали, что еще минимум две!».

Но я уже ломанулся к двери вместе с остальными, коридор огласился тяжелым топотом. Повернул в казарму, едва не столкнулся с Равудой, но мы оба не обратили на это внимания, каждый рванулся к своему месту – снаряжение хранится в шкафчиках, и за десять, уже девять минут двадцать три секунды надо в него втиснуться и собраться.

Наручные часы мне разрешили оставить.

Бронезащита открылась с сухим хрустом, и я втиснулся в нее, как черепаха в панцирь. Нажал, опуская переднюю пластину, одна за другим шелкнули паховые крепления.

– А-ба-ба, но как же так... нас убьют... я же ничего не умею... – причитал неподалеку Макс, лицо которого стало белым, точно щавлевая задница, а губы тряслись. – Меня ранят... это же больно... зачем только все это... остался бы я дома... Божечки, мама с папой, заберите меня отсюда...

Я пару раз спрашивал, почему он оказался на линкоре, для чего завербовался, но он всегда заминал разговор.

С первого раза я закрыл бронезащиту так, что примял кое-какие важные органы. Пришлось расстегивать, поправлять, и застегивать повторно, и только потом заниматься ботинками. Усилители я отключил заранее, и был очень этому рад, сейчас непослушными руками я бы сенсоры не нашупал.

Ладно хоть шнуровка обычная – раз-два, и готово.

Я распрямылся, и обнаружил, что Дю-Жхе уже стоит у своей кровати навтыжку. Он оказался первым, но Равуда и Аюльвао если и отстали, то на какие-то мгновения, остальные еще возились.

Три минуты двадцать секунд.

Я выдернул из шкафа рюкзак, сыто буркнула фляжка – строго по уставу раз в сутки я наполнял ее из крана в туалете, предварительно слив старую воду. С кряхтением застегнул

пояс с набитыми подсумками – аккумуляторы, магазины, все, без чего я не боевая единица, а недоразумение с автоматом в руках.

Маскировочная сеть в рюкзаке, пусть не работает, но взять ее с собой я обязан, там же плащ-палатка, четыре сухпая, два перевязочных пакета, котелок, ложка, сбоку приторочена лопатка.

Что забыл? Шлем, чтоб я сдох!

Минута.

Я нахлобучил последнюю деталь снаряжения на место, затянул ремешок под нижней челюстью.

– Боже-боже-боже... – продолжал стонать Макс, возившийся со шнурками.

Диль бормотала молитву Святым Предкам, которую я от нее слышал столько раз, что мог при желании выучить наизусть. Юнесса шипела, пытаясь втиснуть нестандартно крупный бюст в бронезащиту, ближе к двери кто-то ругался тонким голосом, поминая разные части тела Гегемона, в основном не те, которые принято демонстрировать на публике.

Вентиляция в казарме обычно работала хорошо, но сейчас помещение смердело потом и страхом.

– Смирно! – донеслось от двери.

Я сделал шаг вперед и замер – одет полностью, рюкзак у ноги, как положено, забрало не опущено, но его вроде и не нужно опускать, хотя не помню, да и какая разница, уже ничего не сделать.

В казарму широким шагом вошла Лиргана – на физиономии хищная усмешка, ноздри раздуваются, кулаки сжаты.

– Да, ну и воняет тут, – сказала она следующему за ней Йухиро. – Только посмотри! Один другого хуже! Что, отрастила сиськи, а теперь впихнуть их куда надо не можешь? Подстилка дешевая.

Две последние фразы относились к Юнессе, и та буквально побагровела, стала даже краснее, чем кайтериты.

Лиргана же двинулась дальше по казарме, осматривая каждого и отпуская злые комментарии. По Равуде она скользнула равнодушным взглядом, Дю-Жхе словно вовсе не заметила, при виде меня на треугольном лице отразилось разочарование, зато Макс вызвал у центуриона бурную радость.

– Кусок дерьма, – сказала она, и с размаху врезала ему по подбородку. – Быстро! Три минуты, чтобы закончить! Затем получаем оружие и за мной!

Макс не уложился в три минуты, и снова получил по морде, из разбитого носа у него брызнула кровь. Но затем мы, нагруженные автоматами, понеслись по коридору, точно стадо обезумевших свиней.

Лифт, спуск на десять палуб, новый коридор, и просторный низкий зал без мебели.

– Варварские существа, именуемые бриан, отвергли длань Гегемона! – сообщила Лиргана, повернувшись к нам. – Сегодня мы преподадим им урок! Нас ждет их селение! Задача простая – атакуем, подавляем сопротивление, убиваем всех, кто сопротивляется. Луки и стрелы – вот и все, что у них есть. Дикари! Покажем им Гнев Гегемонии! – и она потрясла затянутым в перчатку кулаком, словно попыталась изобразить герб линкора.

Я сглотнул, накатила дурнота, голова закружилась, в животе по-прежнему было холодно, хотя снаружи я немилосердно потел. Раздался глухой удар, огромный корабль содрогнулся, от неожиданности многие вскрикнули, и дальняя стена раскололась, створки громадных ворот пошли в стороны.

За ними меня ждало... что?

Я не имел представления.

Глава 7

– За мной! – рявкнула Лиргана, и первой рванулась в открывшиеся ворота.

За ними оказалась упершаяся в землю аппарель, а дальше – густая зелень зарослей и разбросанные в ней бурые купола высотой в несколько метров. Линкор всей огромной тушей опустился на планету, и прямо на окраину деревни бриан – нарочно или из-за ошибки пилота, фиг знает.

В лицо мне ударил свежий ветер, пахнувший листвой, сырой землей, под ботинками оказалась мягкая трава.

Из-за ближайшего купола выскочил некто высокий, с черными развевающимися волосами, и я увидел у него в лапах винтовку! Луки и стрелы – нам либо соврали, либо наши командиры получили неверную информацию, но в том и в другом случае дело швах!

Рефлекторно я вскинул автомат и нажал на рычажок, но орудие убийства в моих руках осталось мертвым. От страха помутилось в голове – что, неужели поломка? Хлопнул выстрел, за ним второй, над головой свистнула пуля, по ушам хлестнул крик боли.

– Наземь! Двигаться перебежками! – прорезался из хаоса голос Лирганы.

Я с облегчением шлепнулся на локти, прикусил язык, но не обратил внимания. Ощупал автомат, и с облегчением понял, просто-напросто забыл сдвинуть предохранитель – вот тупица!

Поднял голову, и тут по макушке шлема что-то ударило, то ли пуля, то ли осколок. В голове зазвенело, на миг я перестал соображать, кто я, и где нахожусь, показалось, что это сон, и я открою глаза, чтобы проснуться дома.

Увы, нет, глаза я открыл, но для того, чтобы вместе с остальными подняться на ноги и бежать дальше. Краем глаза увидел оскаленное лицо Макса под щитком забрала, бегущего Кентадэ. Тот вырвался вперед, а потом будто споткнулся, колени его подломились, руки с автоматом начали опускаться.

Трехглазого красавчика развернуло, и я увидел, что в горле у него дыра, и из нее хлещет кровь.

– Аааа! – весь страх я вложил в этот вопль, и вспомнил, что у меня есть оружие.

Прицеливаться я в этот момент не мог, вообще не понимал, что происходит, просто начал палить куда-то вперед. А затем упал вместе с остальными, и обнаружил, что на забрале мерцает алый значок – магазин пуст, все сто зарядов я выпустил одной длинной очередью.

И чудо, если в кого-то попал.

Справа громыхнуло, по шлему забарабанили комья земли – это что, гранаты или артиллерия? Внутренности решили эвакуироваться через задний проход, и мне пришлось напрячься, чтобы удержать их на месте.

Пустая обойма отлетела в сторону, на ее место встала новая, мерцающий значок исчез.

– Вперед! Вперед! – надрывалась где-то Лиргана.

«Если встану, точно обделаюсь» – мрачно подумал я, но вскочил вместе с остальными. Ноги подогнулись, словно гравитация на этой планете была в два раза сильнее земной, но я ухитрился не упасть, и даже выстрелил на этот раз почти прицельно – туда, где мелькали в зарослях фигуры без шлемов и бронезащиты.

Затем передо мной оказался бурый купол, и я с облегчением прижался к его твердой и шершавой, точно обожженной поверхности. Вытер лицо, с изумлением обнаружил на ладони следы не только пота, но и крови – меня ранили, а я и не заметил?

Рядом присел Макс, чуть дальше опустилась на корточки Диль.

– Луки и стрелы, ага? – мрачно пробормотала она, и я не столько услышал ее слова, сколько прочитал по губам.

Пуля ударила в купол в каком-то метре, полетела коричневая пыль, осталась выбоина. Мы метнулись в сторону, и наткнулись на своих же, я мельком увидел Равуду, который стрелял, стоя на одном колене, и вот у него лицо было совершенно спокойным, даже довольным.

Меня дернуло от зависти – вот козел!

– Есть один! – воскликнул мой красноглазый «друг», и над запястьем у него вспыхнула цифра – подтверждение того, что он действительно попал, и получил за это немало опыта.

Мне захотелось посмотреть на свой браслет, но тут вокруг засвистели пули. Пришлось упасть на брюхо и вжаться в землю, молясь о том, чтобы и на этот раз меня не зацепило.

Судя по плотности огня, по нам палили из автоматического оружия, в худшем случае – из пулемета. Почему бы просто не сравнять это селение с землей, пустив в ход артиллерию линкора? Или не напустить на него тех самодовольных пилотов в голубом? Зачем тратить пехотинцев на эту муравьиную возню?

Или они натаскивают нас в боевой обстановке, смотрят, кто на что способен?

– Огонь! – гаркнула Лиргана, и я с неудовольствием подумал, что ее-то могли и пристрелить в суматохе.

Я поднял голову, и ухитрился передвинуть автомат так, чтобы нацелить в сторону врага. Среди ветвей и листьев никого не разглядел, поэтому тратить заряды не стал, дал несколько коротких очередей.

И... о чудо, браслет мелодично звякнул, высветил алую сотню! Я попал!

Радость не продлилась долго, поскольку в этот самый момент мой автомат заглох. Вместо очередного выстрела направляющая «рельса» издала глухой звон и дернулась так, что я ее чуть не выпустил.

Проклятье!

Я выдернул аккумулятор, как учили, вставил на место, но это не помогло. Дальнейшим пришлось заниматься на бегу, поскольку мы снова куда-то зачем-то побежали, точно стадо баранов – только обвешанные кучей дурацкого снаряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.